Игра в молчанку

Автор:
Эбби Гривз

Игра в молчанку

Эбби Гривз

Novel. Мировые хиты

Мэгги и Фрэнку повезло – в их браке всегда были поддержка и любовь. Но однажды что-то изменилось: Фрэнк без объяснений перестал разговаривать с женой.

Этот бойкот, шесть месяцев тишины, сводит Мэгги с ума. Она пытается выяснить, что произошло, и вдруг понимает, что даже в их гармоничном, крепком браке поводов для взаимной обиды можно найти пугающе много. И, кажется, теперь, чтобы вернуть слова в дом, нужно нечто действительно значимое, нечто ошеломительное, невероятное.

Дебютный роман Эбби Гривз – это история одной семьи, одной любви и болезненного непонимания, которое едва не привело двух любящих людей к трагическому финалу.

Выбор BBC Radio 2 и Cosmopolitan (UK).

«Замечательный дебют». – Джоджо Мойес

«Сильный дебют. Нежная, душераздирающая история». – Cosmopolitan

«Напряженное и в то же время деликатное изображение брачного союза». – Daily Mail

«Обожаем эту мощную, эмоциональную историю». – The Sun

«Проницательный рассказ о семейных отношениях и о том, сколько все-таки живет любовь». – Independent

«Прекрасно написанный, убедительный роман. Фрэнк и Мэгги очень живые персонажи, их легко прочувствовать». – Heat

Эбби Гривз

Игра в молчанку

Abbie Greaves

Silent Treatment

© 2020 by Abbie Greaves

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Пролог

Отсюда сверху может показаться, будто все у Мэгги в порядке, все идет своим чередом. Во всяком случае покрытые оболочкой желтенькие таблетки она раскладывает на большой обеденной тарелке как всегда аккуратно, без спешки. Она выдавливает их из упаковки даже чуть медленнее, чем обычно, перегибая блистер до тех пор, пока очередная таблетка не выскользнет из гнезда и не звякнет по фаянсу. Этот звук явно доставляет Мэгги удовольствие. Все годится, лишь бы нарушить невыносимую тишину.

Положив перед собой восемь таблеток, Мэгги берет с буфета стакан с водой, который налила еще в обед, и в последний раз проверят настройку духовки. Сегодня она разогревает пирог с цыпленком, значит, таймер надо установить на двадцать пять минут. Достаточно, чтобы успеть покончить с оставшимися делами.

Взяв стул, Мэгги садится к кухонному столу спиной к двери. Перед ней на клеенке – пачка счетов. Все оплачены, но валяются как попало. Порывшись в сумочке, Мэгги извлекает оттуда свою самую большую драгоценность – пресс-папье, сделанное из куска камня и раскрашенное детской рукой. Камень она кладет на стопку счетов, предварительно выровняв их ладонью.

Наведя таким образом порядок, Мэгги берет ручку и щелкает кнопкой. Это роллер – один из немногих, в котором еще остались чернила. Еще несколько таких ручек – пишущих и не пишущих – валяются вместе со всяким хламом в ящике кухонного стола. Роллер пишет прекрасно, он скользит по бумаге без малейших усилий. От него не сводит пальцы, как часто бывало после того, как Мэгги почти неделю писала неудобной шариковой ручкой.

Ее почерк остается аккуратным и четким, хотя буквы и выходят несколько крупнее обычного. Вот она заканчивает последнее предложение: послание Фрэнку готово. Если ее и терзают какие-то сомнения, по ней это совершенно не заметно – разве что запятая в одном месте слегка размазалась, но, чтобы разглядеть это, нужно всматриваться очень пристально.

Наконец Мэгги захлопывает красный кожаный ежедневник, собирает таблетки в ладонь и, отправив их в рот, запивает глотком воды, запрокинув голову далеко назад. Со стороны этот способ принимать таблетки кажется несколько театральным, но так Мэгги приучили поступать еще в детстве, и за последующие полсотни лет она так и не сумела перерасти давнюю привычку.

В первые несколько минут ничего как будто не происходит. Не вставая со стула, Мэгги чистит фасоль, сдвигая пустые жесткие стручки на угол разделочной доски. Потом лекарство начинает действовать, и ее тело охватывает волна расслабления, движения становятся медленными и неуверенными, рука с ножом дрожит.

Еще несколько секунд, и Мэгги, мягко подавшись вперед, роняет голову на стол. Это происходит очень быстро; так же быстро она засыпает на середине очередного французского фильма, которые Фрэнк ставит для нее каждый воскресный вечер, если погода дождливая. К сожалению, сейчас его нет рядом, и некому смягчить падение, подставить плечо или руку. Голова Мэгги глухо стукается о стол.

И еще… На этот раз она не проснется.

Фрэнк сидит в своем кабинете, неотрывно глядя на экран компьютера. Конец уже близок: черные пешка, конь и слон, которыми управляет программа (игра настроена на уровень для начинающих) надежно заперли в углу его последнюю надежду – белого ферзя. Стыд и позор! Он – успешный ученый, доктор биологии, но до сих пор ему так и не удалось перейти на второй уровень. Фрэнк всегда верил, что настойчивость открывает любые двери (одна из его любимых поговорок), но сейчас эта фраза звучит несколько издевательски.

Раньше, когда Мэгги еще звала его к ужину, Фрэнк частенько бывал настолько погружен в очередную шахматную партию, что ничего не слышал. Тогда она накрывала на стол, а потом входила в кабинет и, опустив руки ему на спину, массировала большими пальцами мышцы между лопаток, пока на экране не появлялась неизбежная надпись «Вам шах!» или «Вам мат!» Ну ничего, может быть, в следующий раз тебе повезет больше, говорила тогда Мэгги, чтобы выманить его в столовую. Возможно, она и допускала, что компьютерные шахматные алгоритмы Фрэнку не по зубам, однако ей не хотелось видеть, как

сильно он огорчен очередным проигрышем.

Но сегодня Мэгги почему-то не пришла. Ничто не отвлекало его от игры до тех пор, пока в его сознание не проникла пронзительная трель пожарной сигнализации. В первую минуту Фрэнк больше удивился тому, что система еще работает, чем самому сигналу об опасности. Мэгги нельзя было назвать безупречной хозяйкой: у нее на плите всегда могло что-то подгореть и заставить сработать датчик дыма. Вот и хорошо, подумал Фрэнк, по крайней мере теперь не нужно вооружаться ручкой от швабры и проверять, жив ли аккумулятор (эту процедуру полагалось проводить каждые три месяца). Что касалось кулинарных способностей Мэгги, то он никогда не тешил себя иллюзиями. Начало их совместной жизни словно верстовыми столбами было отмечено кулинарными конфузами – правда, пожарная система срабатывала не каждый раз. Фрэнк хорошо помнил Кривой Бисквит семьдесят восьмого года (это было их то ли пятое, то ли шестое свидание), Железобетонный Кранахан[1 - Кранахан – шотландский десерт из овсяных хлопьев. (Здесь и далее – прим. переводчика.)] семьдесят девятого (тогда Фрэнку, придумавшему это название, пришлось провести ночь в отдельной комнате) и Гастроэнтеритный Заговор на свой день рождения, который они организовали на заднем дворе – неухоженном и заросшем (к счастью, на праздник были приглашены только самые близкие друзья, которые были настроены более чем снисходительно). Но – странное дело!.. После того, как сходили на нет последствия, каждая неудача Мэгги с десертом чудесным образом заставляла его чувствовать, что он любит жену еще капельку сильнее.

Тревожный звонок был таким пронзительным и настойчивым, и в конце концов Фрэнку пришлось бросить игру. Некоторое время он гадал, почему Мэгги не реагирует на сигнал и почему она не предпримет что-нибудь, чтобы справиться с неприятностью.

Дым он почувствовал еще до того, как увидел. Бросившись в кухню, Фрэнк обнаружил чадящую духовку, в которой что-то сгорело: должно быть, Мэгги прилегла, что в последнее время случалось с ней все чаще, позабыв про ужин. Ну да ладно… Одной рукой Фрэнк выключил нагрев, а другой потянулся к висевшему на поручне сувенирному чайному полотенцу, чтобы с его помощью разогнать дым. Дыма оказалось гораздо больше, чем ему показалось вначале, поэтому даже полотенце из тонкого корнуолльского полотна справилось с ним не сразу. Чистый воздух! Вот что ему нужно!.. Фрэнк бросился к окну и только тогда заметил Мэгги.

Понять, что произошло, ему помогла не пустая упаковка из-под лекарств, не опрокинутый стакан с водой и не разбросанные по столу пустые фасолевые стручки. Внезапная, острая боль в груди пронзила Фрэнка, пол ушел из-под ног, стены закачались, а потолок прогнулся… казалось, весь мир вот-вот разлетится вдребезги, потому что он понял, что? совершила Мэгги, пока он сражался с компьютером в шахматы.

Он все же распахнул окно, и пока дым нехотя выплывал наружу, вернулся к столу и коснулся ее запястья, надеясь нащупать хоть что-то – пульс, легкую дрожь сухожилий – хоть что-нибудь! Быть может, еще не слишком поздно. Другой рукой Фрэнк потянулся к телефону. Он никогда не был на «ты» с техникой и на мгновение ему показалось, что он не сможет – просто не сможет! – сделать этот звонок. Фрэнк действительно едва не бросил трубку, но пересилил себя.

– Алло, вы позвонили в службу экстренной помощи. С кем вас соединить – с пожарной командой, скорой помощью, с полицией или береговой охраной?

Фрэнк молчал, не в силах издать ни звука.

– Сообщаю вам, что ложный вызов или звонок с целью шутки представляет собой серьезное правонарушение и может привести к гибели людей, которые, возможно, как раз в этот момент пытаются дозвониться в службу спасения.

– Я… мне нужна скорая, – с трудом прохрипел Фрэнк. – Срочно!..

– Соединяю с диспетчерской службой скорой помощи, сэр.

И новый голос:

– Скорая помощь слушает. Назовите ваш адрес.

– Оксфорд, Дигби Креснт, дом 43. – Голос Фрэнка по-прежнему звучал хрипло, так что он сам едва его узнавал. В последние несколько месяцев он был уверен, что у него совсем не такой голос. Другой. Нормальный голос, а не…

– Что случилось?

– Моя жена, она… Она приняла слишком много таблеток. Снотворных таблеток.

– Мы немедленно вышлем машину. Скажите, ваша жена в сознании? Вы можете нащупать пульс? Она дышит?..

– Я… я не знаю. Не могу сказать точно.

– Скажите, сэр, как вам кажется – это был намеренный поступок?

Молчание.

– Любая дополнительная информация, сэр, может помочь вашей жене. Скажите, в последнее время ваша супруга не упоминала о намерении причинить себе вред? Или, быть может, с ней и раньше случались депрессии?

– Видите ли, дело в том, что… Мы некоторое время не разговаривали. Точнее, это я с ней не разговаривал… Это длилось… почти шесть месяцев.

Ее молчание

1

Ничто не угнетает психику так сильно, как комнаты ожидания в больницах. Ряды исцарапанных пластиковых стульев вдоль стен, назойливое гудение торгового автомата, резкий общий вдох, когда в дверях появляется консультант реанимационного отделения со свежими новостями, несущими кому-то горе или надежду… Можно подумать, комнаты ожидания специально устроены таким образом, чтобы не дать человеку ни на секунду расслабиться. А ведь зачастую бывает, что ты еще толком не понял, почему и зачем ты здесь…

Мэгги всегда говорила, что моя главная добродетель – терпение. Можно было подумать – она верит, что положительные качества распределяются между

состоящими в браке людьми точно так же, как домашние обязанности. Ей самой терпения всегда не хватало. Словно наяву я вижу, как она ждет гостя, письма? по электронной почте или эсэмэски: мы сидим на диване, и одно ее колено дрожит и подпрыгивает, тогда как другое, на которое я кладу руку, чтобы ее успокоить, совершенно неподвижно. Просто поразительно, как много неуемной энергии было сконцентрировано в этом маленьком теле. Мэгги хватало сил беспокоиться и переживать обо всем и обо всех. Впрочем, я никогда не хотел, чтобы она была другой, я боялся только, как бы эта рвущаяся наружу энергия не привела к короткому замыканию, не обожгла ее душу так сильно, что даже я не сумею ей ничем помочь. В последние четыре десятка лет я вполне успешно справлялся с этими проблемами – и вот чем все это закончилось. Впрочем, попытаться что-то изменить никогда не поздно, в этом я был уверен.

Часы над моей головой издали какой-то сдавленный хрип. Я уже знал, что таким образом они отмечают очередной час. Я ждал уже довольно долго, и это казалось мне плохим предзнаменованием. Если бы на месте здешних врачей оказалась Мэгги, думал я, она бы давно разобралась, в чем проблема: за сорок лет работы медсестрой моя жена набралась достаточно опыта, чтобы без труда поставить диагноз самой себе. Да и огромное количество «больничных» телевизионных сериалов, которые она постоянно смотрела, тоже сыграло свою роль. «У этого парня острая тахикардия,» – без тени сомнения говорила она мне, когда в субботу вечером мы засиживались перед телевизором. Бывало, Мэгги даже брала в руки пульт, чтобы уменьшить громкость и договорить без помех: «Жаль, такой молодой человек и так серьезно болен… Я давно заметила, что тахикардия все чаще встречается у молодых горожан, которым каждый день приходится сталкиваться с самыми разнообразными стрессовыми ситуациями…»

– …Профессор Хоббс? – спросил врач, останавливаясь передо мной.

– Да, это я, – ответил я, начиная подниматься с кресла. Во всем облике этого врача было что-то, что невольно наводило на мысль о профессионализме и высокой квалификации. Аккуратный пробор в черных, уложенных гелем волосах, накрахмаленный халат без единого пятнышка, сверкающие туфли. Даже беджик с именем был приколот к халату точно под нагрудным карманом, параллельно нижнему шву. Глядя на него, я вдруг с осознал, каким неряхой я выгляжу, и машинально провел рукой по голове, приглаживая остатки волос.

– Меня зовут доктор Сингх. Я – больничный врач-консультант и занимаюсь лечением вашей супруги. Не могли бы вы пройти со мной?..

Вслед за ним я вошел в высокие двойные двери, из которых доктор Сингх появился минуту назад. На мгновение у меня в сердце вспыхнула надежда, что меня ведут к Мэгги, но я ошибся. Вместо этого меня провели в небольшую комнатку напротив нейрохирургических операционных, и я почувствовал, как моя надежда гаснет.

Доктор Сингх сел за стол, на котором стоял компьютер, и жестом предложил мне свободный стул. Сам он включил компьютер и принялся рыться в стопке медицинских бланков, сложенных на углу стола. За его спиной крутился большой вентилятор на подставке, и края бланков трепетали в потоке воздуха.

– Прошу прощения, сегодня что-то душновато, вы не находите? Когда же наконец закончится эта жара?!

Доктор явно преуменьшал проблему: я давно чувствовал, как обильно проступает у меня под мышками пот, однако сейчас мне было не до вежливых разговоров о погоде, поэтому вместо ответа я уставился на мыски своих ботинок. Доктор Сингх, впрочем, не заметил моего молчания, так как его компьютер наконец-то загрузился. Несколько минут врач изучал что-то на экране, потом вздохнул.

– Скажу вам прямо, профессор: ваша жена… словом, прогноз не слишком благоприятный. Когда вчера вечером миссис Хоббс привезли к нам, ее центральная нервная система уже практически перестала функционировать. К счастью, медперсоналу скорой удалось поддержать ее дыхательный рефлекс и… С их стороны это настоящий подвиг, так как мы не знаем, как долго ваша жена оставалась без сознания, прежде чем вы ее нашли. С другой стороны, даже сейчас невозможно предсказать, какие последствия может вызвать длительное кислородное голодание. В настоящий момент ваша супруга пребывает в искусственной коме. Как только мы сможем точнее определить повреждения, можно будет принять решение о дальнейшем лечении – с вашим участием, разумеется…

Он замолчал, вопросительно глядя на меня. За последние полгода я почти отвык говорить, но врач ждал моих слов. Существуют различные способы, чтобы показать это собеседнику: вопросительно приподнятая бровь, слегка склоненная голова, нетерпеливое покашливание… Доктор Сингх избрал последний способ.

– Я прекрасно понимаю, как вам тяжело, профессор, – проговорил он, видя, что я по-прежнему не реагирую. – Можете не сомневаться, мы делаем для вашей жены все, что только в наших силах. Ну а пока ситуация не прояснилась, мы в полном вашем распоряжении. Например, наша группа психологической помощи родственникам…

– Мне не нужна психологическая помощь, – перебил я. Собственный голос показался мне куда более хриплым, чем обычно. И более тихим.

– Я вас хорошо понимаю, профессор, можете мне поверить. Далеко не каждый нуждается в помощи специалистов, и тем не менее… Судя по вашей карте, вас когда-то уже направляли к нам? Я имею в виду – к нашим семейным психологам?.. Правда, вы не пришли на прием, но…

Оторвавшись от экрана, доктор Сингх повернулся ко мне, и я достал очки. Выбившейся из-под ремня поло?й рубашки, я протер стекла, хотя и не был уверен, что это принесет какую-то пользу. Для меня это был способ уйти от немедленного ответа, как называла подобную тактику Мэгги. И она была совершенно права.

– Послушайте, я вовсе не собираюсь советовать вам, как лучше поступить. И я не буду настаивать, чтобы вы непременно встретились с нашими психологами. Просто… просто мне хотелось бы, чтобы имели эту возможность в виду. Наши специалисты дежурят в больнице круглосуточно, семь дней в неделю. Такие ситуации, как ваша, встречаются гораздо чаще, чем можно предположить, а наши врачи из группы семейной поддержки прекрасно подготовлены… Самое главное, чтобы вы знали: вы не один и всегда можете рассчитывать на профессиональную помощь или совет.

Он говорил совершенно серьезно, но его слова показались мне насмешкой. Или особо утонченным издевательством. Доктор Сингх описал ситуацию предельно точно. Я один. Я один и я чувствую себя даже более одиноким, чем до того, как с Мэгги случилось то, что случилось. Да и как человеку понять, каково это – остаться совершенно одному, покуда он не испытает это на собственной шкуре?

– Как я уже сказал, на данном этапе мы мало что можем сделать – только наблюдать за состоянием миссис Хоббс, поэтому я рекомендовал бы вам вернуться домой. Вам необходимо поспать, поесть, успокоиться… Но сначала

можете навестить вашу жену, если хотите.

– Да, – пробормотал я. – Да, да, конечно! Я хочу ее видеть!!

– Я уверен, профессор, вас не нужно ни о чем предупреждать, но мы обязаны говорить это всем родственникам. В настоящее время ваша жена находится в состоянии, близком к критическому, поэтому пусть вас не беспокоит то, как она выглядит. Если у вас есть какие-то пожелания или просьбы – сообщите мне или кому-нибудь из сестер. Миссис Хоббс лежит в отдельной палате, но наш персонал всегда находится поблизости на случай каких-либо… осложнений.

Доктор поднялся, и я последовал его примеру – правда, не так проворно. В мои шестьдесят семь двигаться быстро уже непросто, но я сделал все, чтобы не привлекать внимание доктора Сингха к своему возрасту. А вдруг врачи быстрее сдаются, если видят, что ты уже стар и тебя не окружает толпа встревоженных детей и внуков? Ради Мэгги я надеялся, что это не так, но все же…

Вслед за врачом я вышел из кабинета в коридор, заполненный ходячими больными и пустыми креслами на колесах, между которыми, огибая многочисленные препятствия, сновали врачи и медсестры, старательно избегавшие встречаться взглядами с родственниками. Хотел бы я знать, сколько еще семей столкнулись сегодня со своим худшим кошмаром? Вскоре, впрочем, закрытые пластиковыми занавесками боксы по обеим сторонам коридора закончились, и доктор Сингх повел меня через отделение интенсивной терапии, сразу за которым я увидел несколько дверей с блестящими металлическими ручками.

За одной из дверей лежала Мэгги. Я понял это по тому, как врач вдруг замедлил шаг, поглядел сначала в одну сторону, потом – в другую, и наконец потянулся к пейджеру якобы для того, чтобы проверить сообщения. «Нет!» – хотелось воскликнуть мне. Мне хотелось прижать его руки к бокам и остановить, чтобы он не мог больше сделать ни шагу, но… Чего бы я этим достиг? И что бы это изменило?.. Как ни старайся, рано или поздно мне все же придется столкнуться с тем, что я натворил, так что тянуть кота за хвост было бессмысленно. И я как мог заправил рубашку в брюки и засунул руки глубоко в карманы, чтобы они перестали дрожать.

Наконец доктор Сингх нажал блестящую ручку и толкнул дверь обеими руками. Тихо щелкнул замок. Шагнув вперед, он остановился, удерживая дверь для меня, но мои плечи оказались шире, чем оставленный им проем. Чтобы войти следом, мне пришлось повернуться боком и к тому же нагнуть голову – и все равно я стукнулся макушкой о притолоку. Да, я знаю, это немного странно, но за шестьдесят с лишним лет я так и не привык к своему слишком большому росту.

В палате царил полумрак, и я не сразу разглядел Мэгги. Ее койка оказалась достаточно высокой и была к тому же окружена множеством каких-то медицинских аппаратов, которые попискивали, вздыхали и перемигивались лампочками. В первые секунды мне даже трудно было представить, что теперь жизнь Мегс зависит от машин, похожих на электроосушитель воздуха – тот самый, который я по просьбе Мэгги каждую осень стаскивал с чердака и устанавливал на зиму в подвале.

Наконец мои глаза привыкли к скудному освещению, я сделал шаг вперед и вдруг почувствовал, как у меня перехватило дыхание. Несколько секунд я вовсе не мог дышать, наконец я выдохнул, издав протяжный низкий стон, который, разумеется, тут же всполошил врача.

– Мне очень жаль, профессор… – начал он.

– Можно мне прикоснуться к ней? – спросил я, отмахнувшись от его извинений, и сделал еще один шаг вперед.

– Да, разумеется. Не бойтесь, ей вы не повредите. Сейчас сюда придет одна из сестер, она подробно расскажет вам о нашем распорядке, о необходимых процедурах и прочем. С ней вы можете обсудить даже план лечения миссис Хоббс… Ну а я пока оставлю вас наедине с супругой.

Он вышел, и на несколько секунд я почувствовал себя так, будто мы с Мэгги – снова молодожены, и хозяева пансиона поспешно пятятся от нашей комнаты, боясь, что мы накинемся друг на друга еще до того, как закроется дверь. И я действительно готов был отдать все, что у меня есть, лишь бы снова вернуться в те дни, когда Мэгги была непредсказуемой и импульсивной, я – неловким и стеснительным, но нам все равно не нужен был никто, кроме друг друга.

Сейчас Мэгги, полулежавшая среди казенных больничных подушек, казалась мне еще более миниатюрной, чем я помнил. Ее руки – тонкие и по-прежнему изящные – покоились на простыне, под тонкой, как бумага, кожей проступили синеватые вены, в одной из которых торчала грубая игла капельницы. Ни рядом с койкой, ни вообще в палате не было ни одного стула, и я решил, что мне, наверное, нельзя здесь оставаться. Но, с другой стороны, как оставить Мэгги одну? Как бросить ее здесь? Если бы она была в сознании, она бы, конечно, очень испугалась. Мэгги испугалась бы и само?й больницы, но еще больше – того, что ей не с кем поговорить, поделиться своими наблюдениями и мыслями, которые пришли ей в голову после пробуждения. Да, я знал, что подвел Мэгги. Я понимал, что в последние месяцы ей был отчаянно нужен кто-то, с кем можно поговорить, а не молчаливый – и молчащий – слушатель, каким был я, и теперь я просто не мог ее бросить!..

Преодолев какую-то непонятную робость, я осторожно, словно пытаясь погладить пугливую соседскую кошку, прикоснулся к ее руке. Кожа Мэгги оказалась теплой, и я невольно вздрогнул: это было совершенно неестественно! Даже в самые жаркие летние вечера, когда мы возвращались на велосипедах домой, Мэгги клала свои ладони на мой разгоряченный лоб, и они всегда оказывались сухими и прохладными. Прохладными!.. Да и на протяжении всей нашей совместной жизни Мэгги то и дело просила меня согреть ей руки. А теперь?.. Да, мы всегда нуждались друг в друге, но не только. Мы выбрали один другого, мы хотели быть только друг с другом, и в этом заключалось наше, увы, не слишком безмятежное счастье. К сожалению, понять это я смог лишь теперь, когда самое дорогое оказалось у меня отнято.

Позади послышались тихие шаги, и я осторожно повернулся, не отпуская руку Мэгги. Это пришла медсестра. Ее голубые пластиковые бахилы негромко шуршали по линолеуму, когда она двинулась к каким-то приборам в глубине комнаты. Не знаю, как давно она уже была здесь, но, когда я обернулся, медсестра сразу это заметила, и я подумал, что ее, возможно, прислали, чтобы за мной присматривать.

– Если хотите, я могу принести вам стул, – проговорила она с мягким йоркширским акцентом, который казался очень уютным и ободряющим. – Не годится вам все время стоять.

Медсестра была молодой. На вид ей было – сколько?.. Вряд ли больше двадцати пяти. Кроме того, она была наделена тем естественным обаянием, каким

обладала и Мэгги: казалось, от одного только ее присутствия в палате сразу посветлело и стало легче дышать. И снова я на мгновение перенесся на сорок лет назад, окунувшись в холодную мелкую морось, желтый свет уличных фонарей и выводимый пьяными голосами рождественский гимн «Добрый король Венцеслав», который стал саундтреком нашего первого свидания.

– Так принести вам стул? – снова спросила сестра, прервав мое путешествие по тропам воспоминаний. – Мне это совсем не трудно, честное слово.

– Спасибо. Был бы вам весьма признателен.

Бо?льшую часть прошедших суток я каким-то чудом держал себя в руках, но сейчас, столкнувшись с самым обыкновенным человеческим участием, я вдруг почувствовал, что вот-вот сорвусь. К счастью, медсестра вернулась быстро и даже разложила для меня легкий складной стульчик, отчего я почувствовал себя чем-то вроде почетного гостя на самом неприятном в моей жизни пикнике.

– Как вас зовут? – спросил я, даже не пытаясь разглядеть ее беджик с именем. Во-первых, в палате было все же слишком темно, а во-вторых, мне не хотелось, сидя у больничной койки жены, пялиться на грудь другой женщины.

– Дейзи.

– Хорошее имя. Вам идет. – Я попытался улыбнуться, но вся нижняя часть моего лица словно превратилась в подсохшую глину, которая грозила осы?паться от малейшего движения.

– Мне очень жаль, действительно очень жаль, что с вашей женой случилось такое несчастье, – проговорила Дейзи, заметив, как опустились уголки моего рта.

Примерно минуту или немного больше мы молча смотрели, как грудь Мэгги вздымается и опадает в такт мерной работе аппарата искусственной вентиляции легких. Ее губы слегка приоткрылись, и от этого лицо Мэгги казалось таким беспомощным, словно она готова была сдаться, уступить. И это тоже было так не похоже на нее, на мою Мэгги! Эта неестественная сдержанность, это молчание… даже присутствие медицинской сестры, которая ухаживала за Мэгги точно так же, как она сама поступала всю жизнь и за что в конце концов была

наказана – все это абсолютно не вязалось с той Мэгги, которую я знал и любил.

– Вы можете поговорить с ней, – промолвила наконец Дейзи. – Здесь так тихо, что многие просто боятся или стесняются говорить вслух, но вы об этом не думайте. Вашей жене очень важно слышать ваш голос.

Я сглотнул. Что сказала бы Дейзи, если бы знала?.. Почему-то я решил, что она мудра не по возрасту – должно быть, в силу профессии ей слишком часто приходилось сталкиваться с чужими страданиями. Но даже если я прав, сможет ли она понять?

И я вспомнил тот день, когда голос впервые мне изменил. Я был на грани того, чтобы признаться Мэгги в том, что? я совершил. Я знал, к каким последствиям привел мой поступок, и испытывал такое острое, такое всепоглощающее чувство вины, что у меня не было никаких сомнений: я просто обязан обо всем рассказать Мэгги. Слова признания уже готовы были сорваться с кончика моего языка – по крайней мере так мне тогда казалось. Набравшись мужества, я на цыпочках подошел к двери нашей спальни и… и увидел ее. Одна в полутемной комнате, она пыталась сесть, чтобы дотянуться до стакана с водой на ночном столике – бледная тень той женщины, какой Мэгги когда-то была. Именно в этот момент я решил, что не должен ничего говорить, чтобы не сделать ей еще больнее. Мэгги и без того едва держалась, и я просто не имел права обрушить на нее еще одну порцию плохих новостей. Я не мог сказать ей то, что собирался, потому что это означало бы, что Мэгги уйдет от меня. И каждый последующий день, когда я не мог найти в себе силы заговорить и когда тишина словно могильным саваном окутывала нас обоих, я жил со все возрастающим ощущением собственной вины и жгучего стыда. Молчание буквально душило меня, но все же это было лучше, чем признаться Мэгги во всем – и потерять ее навсегда.

Дейзи деликатно кашлянула, возвращая меня из мучительного прошлого к мучительному настоящему.

– Вот что я вам скажу, Фрэнк… Я, конечно, не врач, так что не поймите меня неправильно, но мне приходилось видеть таких больных, и я знаю: иногда голос близкого человека действует лучше, чем любые приборы и любые лекарства. Почти все пациенты, находящиеся в коме, слышат, когда с ними разговаривают. Знакомый голос напоминает им обо всем хорошем – о том, ради чего стоит очнуться, и ускоряет выздоровление. Вы меня понимаете?

Я не совсем понял, но все равно кивнул. Я ясно видел, что Дейзи искренне сочувствует Мэгги, хотя кто она для нее? Посторонний человек, всего лишь еще одно имя в списке пациентов реанимации, и все же… Я уже обратил внимание, что у Дейзи были довольно большие пальцы – длинные и сильные пальцы человека, привыкшего к физическому труду, но, когда она поправляла простыню на груди Мэгги, где проходили какие-то трубки, эти пальцы двигались очень осторожно и нежно. Уверен, Мэгги сумела бы это оценить.

– Можете рассказать ей новости, – предложила Дейзи. – Вам, наверное, есть чем поделиться с миссис Хоббс, особенно после того, как вам выпал такой трудный день. Или, может быть, вы хотите открыть ей какой-то секрет, что-то такое, что уже некоторое время было у вас на уме, но вы не успели ей сказать?..

– Да, такой секрет у меня, конечно, имеется… – я пытался говорить беззаботно, но выходило глупо и неловко.

– Простите, что?.. Я не расслышала. Вы почти шепчете… – Дейзи взглянула на какой-то экран рядом с койкой Мэгги и захлопнула свой блокнот.

– Извините. Я… у меня действительно есть кое-что, чем я давно хотел с ней поделиться… И это очень важно. Не представляю, почему я ничего не рассказал ей раньше.

От собственной лжи меня бросило в жар. Прижав к губам сжатый кулак, я почти силой заставил себя взглянуть Мэгги в лицо, но ее глаза по-прежнему были закрыты. И почему я не замечал, какой маленькой и хрупкой она стала? Правда, Мэгги никто бы не назвал крупной женщиной – она была на добрый фут ниже меня, но сейчас от нее осталась одна тень.

И снова я вспомнил, как в первую зиму, которую мы прожили вместе, я удивлялся тому количеству свитеров, которые ей приходилось натягивать на себя, чтобы не мерзнуть. Она носила их даже дома, в нашей первой съемной квартире, которая, по правде сказать, действительно была холодновата. Центральное отопление еле грело, и Мэгги приплясывала с ноги на ногу, словно инструктор по аэробике, пока я без толку нажимал кнопки в бойлерном шкафу. Мне, впрочем, было совсем не холодно – я уже тогда знал, что Мэгги несет с собой уют и тепло куда бы она ни пошла, хотя она и выглядела как недокормленная девочка-подросток.

– Только не будьте жестоки, Фрэнк, – снова посоветовала Дейзи. – Не выпаливайте все сразу, чтобы не напугать и не расстроить миссис Мэгги. Действуйте постепенно, начните с хороших новостей, с каких-нибудь забавных эпизодов. Пусть ваша жена почувствует, что ее по-прежнему любят. Будет очень хорошо, если вы напомните ей о тех случаях в вашей жизни, когда вам удавалось ей это показать.

Должно быть, мое лицо не выражало ничего, кроме чистой и беспримесной паники, поскольку Дейзи опустила ладонь мне на плечо и слегка сжала, отчего складки и морщинки на моей измятой рубашке расправились.

– Не волнуйтесь, сэр. Просто поговорите с ней, не теряйте времени, хорошо?..

2

Но в тот первый день я не задержался в больнице надолго. Как только Дейзи вышла, я почувствовал, как, вопреки моим благим намерениям, ко мне возвращается моя молчаливая сдержанность. Пробиться сквозь нее было по силам только Мэгги, которую не смущали ни мои сделанные из лучших побуждений, но всегда не к месту и не ко времени замечания, ни моя болезненная застенчивость, которая не давала мне запросто сойтись с незнакомым человеком. Наверное, за все годы, что мы провели вместе, Мэгги никогда не казалась мне настолько чужой, как сейчас, – тонущее в хаосе эластичных трубок и разноцветных проводов сморщенное, худое лицо, на которое то и дело ложатся отблески сигнальных лампочек на странных приборах, издающих негромкие попискивания по мере того как они производят замеры пульса, давления и прочего.

Мне так много нужно ей сказать, что я даже не знаю, с чего начать. Мне ясно одно: нельзя начинать с причин, которые заставили меня замолчать. Да и Дейзи советовала мне попробовать что-нибудь забавное и легкое – что-нибудь такое, что способно вернуть Мэгги из тех мрачных глубин, в которые она неумолимо погружалась все глубже. «Поговорите с ней о чем-нибудь приятном», – говорила сестра. Проблема, однако, заключалась в том, что я никогда не умел, что называется, «трепать языком». Даже в молодости красноречие не было моей

сильной стороной. «Сдержан, немногословен, замкнут» – так было написано в моей школьной характеристике, которую я отправил в университет вместе с заявлением о приеме. Моя мать всегда считала меня тихоней – так во всяком случае она описывала мой характер своим подругам, родственникам и даже разъездной мозольной операторше, которая являлась к нам со своим набором пемз и терок каждую четвертую субботу месяца. Да, подумалось мне, сейчас от меня примерно столько же пользы, сколько от зонтика во время урагана. Как я вообще смогу сделать то, что от меня требуется?

Выйдя на улицу, я сел в небольшой автобус, который останавливался почти у самых дверей больницы. Он перевозил не людей – страдания… Его пассажиры старались не смотреть друг на друга, не встречаться взглядами, потому что это могло стать последней каплей… или, лучше сказать, последней соломинкой, способной сломать спину и тем, кто страдает, и тем, кто вынужден наблюдать за всеми не слишком приятными и даже постыдными подробностями этих страданий. И как насчет тех, кто причинил своим близким эти страдания? Сомневаюсь, что в этом автобусе их – меня! – встретили бы с распростертыми объятиями, поэтому я занял место у окна, а на свободное сиденье рядом положил свою сумку.

На одном из светофоров я видел, как парочка, собиравшаяся переходить улицу, едва не пропустила зажегшегося зеленого человечка. Эти двое стояли, обняв друг друга за талию, и смотрели друг на друга так пристально, что вообще ничего не замечали. Позади них какая-то семья, состоявшая из родителей, двоих детей и игривого молодого лабрадора разгружала потрепанный «универсал». Несколько студентов ехали по дороге на велосипедах по трое в ряд, не обращая внимания на тащившийся за ними хвост сердито сигналящих автомобилей. Я смотрел на всех этих людей и думал о том, что еще никогда я не был так одинок. Быть может, брак – наш брак – с самого начала служил для нас с Мэгги средством справиться с одиночеством?

День выдался на редкость жаркий, но в палате у Мэгги, где работал кондиционер, я совершенно этого не чувствовал. Но когда, сойдя с автобуса, я преодолел невеликое расстояние от остановки до нашего дома, мне уже казалось, будто на меня направлено не меньше сотни включенных на полную мощность промышленных фенов. Во рту у меня пересохло до такой степени, что я невольно спрашивал себя, смогу ли я когда-нибудь снова чувствовать себя нормально. Достав ключ, я вставил его в замок после двух или трех неудачных попыток, потому что руки у меня тряслись. Наконец дверь поддалась и свет

низкого августовского солнца проник в прихожую. В его золотых лучах плясали и кружились сверкающие пылинки, которые сквозняком постепенно сносило к месту преступления. Чьего преступления, спросил я себя, направляясь к ведущей наверх лестнице. Ее или моего?..

Заставить себя выйти на кухню я не мог. Пока не мог. Не зажигая света, я поднялся по лестнице и двинулся прямиком к спальне. К нашей спальне. Я всегда говорил о ней так, во множественном числе, и не собирался отказываться от этой привычки сейчас. Чего бы я только ни дал, чтобы Мэгги вернулась, чтобы она снова оказалась здесь, чтобы снова лежала на своей половине нашей общей кровати, застеленной белоснежным крахмальным бельем. Впрочем, почему именно на своей? Насколько я помнил, Мэгги могла лежать на любой стороне, а также посередине кровати и даже по диагонали. Раньше мне никогда не приходило в голову, что такая маленькая женщина может занимать столько места. По ночам во сне, она вертелась и извивалась как угорь, пока я не оказывался висящим над пустотой на краю матраса, прикрытый лишь жалким уголком нашего двуспального одеяла. Никогда бы не подумал, что настанет время, когда мне будет этого не хватать.

В задумчивости я провел кончиками пальцев по стопке книг, скопившихся на столике возле кровати. Здесь было несколько романов из благотворительного магазина, изящно изданная «Жена», по которой недавно был снят фильм (я купил ее Мэгги на Рождество несколько лет назад), и еще одна книга в пластиковой библиотечной обложке, срок возврата которой давно истек. Три года назад, когда Мэгги вышла на пенсию, она решила, что будет работать добровольной помощницей в библиотеке Саммертауна, которую как раз собирались закрыть. «В знак солидарности!» – заявила она, когда сообщила мне о своих планах. Я тогда не понял, в знак солидарности с кем – с книгами или с перегруженными работой профессиональными библиотекарями, у которых хватало забот и без нависшей над ними угрозы прекращения государственного финансирования? На новом месте Мэгги очень нравилось – нравились люди, нравилась царившая там тишина (словно в святилище, говорила она). Через год я тоже ушел на пенсию, но она продолжала работать, и только когда случилось то, что случилось, Мэгги ушла из библиотеки. Наверное, это очень трудно – помогать другим и быть не в силах помочь самому себе.

В последние годы Мэгги вертелась в постели уже не так сильно, как раньше, но спала плохо. Перед сном она пыталась читать, надеясь таким способом привести нервы в порядок, но когда я наклонялся, чтобы поцеловать нежный участок

кожи у нее за ухом или погладить по внутренней стороне предплечья, как ей когда-то нравилось, я видел, что книга, которую Мэгги держала в руках, открыта на той же странице, что и вчера, а рассеянный, затуманенный взгляд устремлен в пространство. Если я спрашивал, можно ли гасить свет, она как правило соглашалась, но я знал, что мы оба заснем не скоро. Какое-то время спустя, убедившись, что она не спит, я принимался водить кончиком пальца по ее пояснице под задравшейся пижамной курточкой, рисуя на нежной коже разные завитушки и фигуры. Это напоминало мне наши первые свидания, когда я еще боялся сказать о своей любви вслух и вместо этого писал свое признание пальцем на ее спине – трусливый компромисс, полумера, которая, однако, требовала всей моей отваги.

Сбросив ботинки, я повалился на опустевшую кровать прямо поверх покрывала. Мне отчаянно хотелось снова прикоснуться к Мэгги, снова сказать ей, как сильно я ее люблю. Но вскоре усталость взяла свое, я начал задремывать, однако и в полусне я видел только лежащую рядом со мной Мэгги, которая выпрастывала из-под одеяла тонкую руку, чтобы, как всегда, крепко меня обнять.

На следующий день, когда я пришел в больницу, на сестринском посту со мной поздоровалась, назвав меня по имени, какая-то женщина, которую я совершенно точно видел впервые в жизни. Надеюсь, подумалось мне, это не означает, что они здесь уверены – мне придется ходить в больницу еще достаточно долго. Дейзи нигде не было видно, и я невольно испытал острый приступ неуверенности. Она казалась мне такой спокойной, такой невозмутимой и не склонной выносить суждения, что мне не хотелось потерять еще и ее. Оглядывая приемный покой, где собралось уже немало пациентов, я искал Дейзи глазами и наконец заметил ее в дальнем углу. Она сидела за монитором в одной из небольших компьютерных кабинок, так что мне были видны только ее спина и натянутые на бедрах больничные брюки. Чувствуя, как у меня отлегло от сердца, я шагнул вперед и откашлялся, чтобы привлечь ее внимание. Вышло чересчур громко: беременная женщина, сидевшая на пластиковом стуле в пяти футах от меня, поспешно прикрыла рот и нос платком, и я покраснел как человек, который совершил какую-то чудовищную бестактность. Впрочем, своей цели я достиг.

– Доброе утро, профессор! – Дейзи широко улыбнулась и, развернув кресло, поднялась мне навстречу, упираясь в колени руками. Она оказалась даже выше ростом, чем мне показалось вчера – всего на полголовы ниже меня – и была, что называется, «крепенькой»: так частенько говаривала Мэгги, с удовольствием

разглядывая молодые деревца на нашем заднем дворе.

– Вы не против, что я называю вас профессором?.. – спросила Дейзи, выбираясь из кабинки и увлекая меня в коридор. Сегодня ее густые темно-каштановые волосы были собраны в «конский хвост», который при каждом шаге раскачивается из стороны в сторону.

– Я… гм-м… Гхм.

– Что с вами? Язык проглотили?.. – Мимолетно обернувшись, Дейзи улыбнулась с такой очаровательной непосредственностью, какой мне всегда не хватало в общении даже с родственниками, не говоря уже о посторонних.

– Зовите меня Фрэнк, Дейзи, – сказал я решительно. – Просто Фрэнк.

Дейзи еще раз улыбнулась, и я решил, что впервые в жизни мне удалось сделать хоть какую-то мелочь правильно. Но когда мы дошли до дверей палаты – как и вчера, плотно закрытой – я почувствовал, как тают мои проснувшиеся было надежды.

На этот раз жалюзи на окнах были подняты. Я оглядел небольшую, скудно обставленную палату и вдруг почувствовал смущение от того, что явился с пустыми руками.

Дейзи каким-то образом угадала, о чем я думаю.

– В палате необходимо поддерживать стерильную чистоту, – сказала она. – Поэтому здесь почти нет мебели. Но ваш стул я не стала уносить, чтобы вы могли подольше поговорить с миссис Мэгги.

И, обойдя меня, Дейзи шагнула к окнам и чуть-чуть опустила жалюзи, чтобы яркий свет не резал мне глаза.

– Как прошел ваш вчерашний вечер? – спросила она.

– Не слишком хорошо, – признался я.

– Я вас понимаю, Фрэнк. Вам сейчас нелегко. И все равно миссис Мэгги будет приятно знать, что вы здесь.

– Я… боюсь, – эти слова сорвались с моего языка, прежде чем я успел их как следует обдумать.

– Я понимаю, – снова сказала она, – но поверьте: если сейчас вы не станете с ней разговаривать, будет еще хуже. Тогда, если что-то вдруг пойдет не так, вы будете жалеть о том, что молчали… А сожаление хуже всего.

Я почувствовал, что Дейзи собирается уйти, и мне захотелось, чтобы она осталась. Обязательно осталась. С ней я чувствовал себя в безопасности – она была мостом, каналом связи между Мэгги и мной.

– Дейзи, – позвал я, когда она шагнула к двери. – Что? я должен говорить?

Ее лицо не изменилось, только легкая улыбка тронула уголки губ. Вероятно, я был не первым, кого ей приходилось учить, как вести себя у постели больного.

– Что хотите, Фрэнк… Если не знаете, с чего начать, попробуйте рассказать ей историю вашей жизни вдвоем. С самого начала, такой, какой вы ее помните, какой она вам представляется… Миссис Мэгги будет рада услышать ее от вас, к тому же начинать с начала всегда легче. И помните, вас никто не торопит. Не спешите, скажи?те ей все то, что хотели сказать, но не успели.

Я кивнул.

– Только не забудьте: не все сразу! – и с этими словами Дейзи исчезла за дверью.

Я придвинул свой стульчик поближе к койке, стараясь не задеть бесчисленные трубки и кабели. Голова у меня слегка кружилась – я думал о том, сколько всего я могу сказать, сколько я должен сказать, и как мало из возможных тем кажутся мне уместными. Кроме того, трудно начать говорить, если замолчал так давно…

– Доброе утро, Мэгги, – произнес я наконец. Мой голос показался мне самому каким-то чужим, незнакомым, похожим на хриплое карканье. – Дейзи советует сказать тебе то, что мне следовало бы сказать раньше… Что ж, устраивайся

поудобнее.

Я запнулся, припомнив ее легкий, как перышко, смех, на который Мэгги не скупилась, даже когда мои шутки были неуклюжими, а анекдоты – бородатыми. Потом мне показалось, что трубка капельницы в руке Мэгги, которую я по привычке взял в свою, слишком натянулась, и я поспешил выпустить ее, пока какой-нибудь из этих хитрых приборов не просигналил на сестринский пост, что я веду себя неподобающим образом, и меня не вышвырнули из больницы с позором.

– Я… я… Ты слышишь меня, Мэгги? Слышала ли ты, что? я только что говорил? Нет? Ну ладно… Господи, Мэгги, я, наверное, уже никогда не исправлюсь, правда?..

Почти минуту я боролся с желанием поскорее уйти, чтобы назавтра повторить свою сегодняшнюю – и вчерашнюю – безуспешную попытку заговорить. Потом я вспомнил наш пустой дом, где на каждой вещи – на стуле, на стенах, на электрических выключателях – лежал ясный отпечаток личности Мэгги. Какой же я муж, если брошу ее здесь и вернусь туда, где меня не ждет ничего, кроме одиночества? Холодный, равнодушный, трусливый – вот какой! За прошедшие сорок лет я совершил немало ошибок, но никогда, никогда я не мог сказать, что не люблю Мэгги.

Я медленно выпрямился, мысленно представляя, как мои позвонки занимают правильное положение, образуя идеально прямую линию.

– В общем, Мегс, я вот что скажу… Мы оба знаем, что я не люблю много говорить, да и рассказчик из меня отвратительный, но тебе придется примириться с этим, потому что я решил остаться. Надолго ли?.. До тех пор, пока ты не проснешься. Видишь, у меня даже стул есть…

Нет ответа.

– Ты должна знать, что случилось, Мегс. Почему я замолчал. Почему отдалился… На самом деле я не отдалился, но со стороны это выглядело так, словно я больше не хочу… Но на самом деле…

Я был уверен, что при этих словах ее глаза широко распахнутся, а губы округлятся изумленным «о». Наконец-то! Вот он – ответ, который она искала долгих шесть месяцев. Ответ, который едва не отнял ее у меня навсегда.

– Я не могу отпустить тебя, не сказав всего.

Когда я произнес эти слова вслух, они испугали меня самого, и я мысленно выругал себя последними словами. Вряд ли Дейзи имела в виду что-то подобное, когда говорила о «смешных вещах» и «забавных случаях». Совсем наоборот.

– Я не могу отпустить тебя, и все тут! Я не могу без тебя. Правда, не могу, – проговорил я горячим шепотом и снова потянулся к ее руке. – И мне очень жаль, что все получилось именно так. Ты даже не представляешь, насколько сильно я жалею. Прости меня, Мегс. Кстати, ты помнишь, что именно эти слова я сказал тебе, когда мы познакомились? Помнишь, Мегс?.. «Прошу прощения»… Я – помню, и знаешь, что? я тебе скажу? Все наши сорок с лишним лет я каждый день думал о том, почему тогда мне не пришло в голову ничего более умного. А еще я думал о том, что? я хотел бы сказать тебе в тот самый первый раз…

– Когда я увидел тебя тогда, первыми, что я разглядел, были твои глаза и красный кончик носа, который рдел словно маяк в пургу. Ниже него твое лицо было замотано толстым шерстяным шарфом, из-под которого виднелось лишь несколько прядей волос. Ты появилась точно так же, как появлялась потом всегда – так налетает циклон или ураган. Стремительные взмахи рук, дождь воздушных поцелуев, крепкие объятья и отрывистые восклицания, а главное – ощущение тепла, которое почувствовали все, кто находился поблизости, хотя в тот день было градуса три или четыре ниже нуля.

Раньше я тебя здесь не видел – это я знал совершенно точно. К тому времени я провел в Оксфорде уже пять лет и был по горло занят своей докторской диссертацией. В нашей лаборатории почти не было женщин, однако и в свободное время я не слишком обращал на них внимание. И все же я был совершенно уверен, что никогда в жизни не видел такой девушки, как ты.

Паб «Роза и Корона» с его дешевым пивом и просторной открытой верандой считался неофициальной штаб-квартирой нашей лаборатории эволюционной биологии. В этом утверждении, впрочем, есть некоторая натяжка, поскольку

бывали мы там довольно редко: в те времена мы, молодые, увлеченные исследователи, работали днями напролет, нередко прихватывая и те вечерние часы, которые большинство людей обычно уделяют общению в неформальной обстановке. Это, впрочем, не отменяет того факта, что паб «Роза и Корона» нравился нам больше других. Он находился достаточно далеко от Города Дремлющих Шпилей, чтобы там почти не появлялись увешанные фотоаппаратами туристы, и в то же время располагался на конечной остановке одного из городских автобусных маршрутов, благодаря чему те из нас, кто еще держался на ногах после редких, но бурных вечеринок, могли без труда добраться до университетского общежития.

Тебя я заметил сразу. Я знаю, это звучит банально, но именно так оно и было. Думаю, я заметил бы тебя, даже если бы, спеша поскорее обнять своих праздновавших в углу друзей, ты не задела локтем стакан моего приятеля Петра.

В преддверии Рождества в городе появилось немало новых лиц: в основном это были те, кто работал в других местах и вернулся в Оксфорд, чтобы провести праздничную неделю с родными. Мы же, – компания академических затворников, – находились слишком далеко от родных мест, чтобы встречать праздник в собственных гостиных (тот же Петр вообще приехал в Оксфорд из Польши). Что касалось меня, то мне просто не хотелось в очередной раз разочаровывать родителей, уже давно ожидавших, что их двадцатисемилетний сын приедет домой с невестой. Да, такова была реальность «свободных семидесятых»: бунтарские идеи десятилетия владели умами в столице, однако уже в «ближних графствах» [2 - «Ближние графства» – ближайшие к Лондону графства, к которым причисляют Кент, Суррей и Эссекс.] о них мало кто слышал. Даже в Гилфорде, где в стандартном доме на три спальни жили мои родные, все еще преобладал патриархально-консервативный уклад, хотя до центра Лондона было оттуда всего сорок минут на электричке.

Вот почему я нисколько не расстроился, не попав домой на праздники. Конечно, родители желали мне добра; я любил их, и они любили меня, но каждый раз, когда я возвращался под отчий кров, окружающее казалось мне каким-то маленьким и провинциальным. И то сказать, в нашей семье никогда не обсуждали никаких важных вещей, не говоря уже о проблемах мироздания, которые здесь, в Оксфорде, бывало не давали нам уснуть до поздней ночи. До?ма было спокойно, уютно и… скучно. С самого начала мои родные считали, что я должен пойти по стопам отца, владевшего гаражом, а впоследствии –

продолжить семейный бизнес. Наука, считали мои родные, это, конечно, хорошо, но лучше оставить ее внутри школьных стен, чтобы без помех строить реальную, осязаемую карьеру. Когда я выбрал университет, им потребовалось некоторое время, чтобы к этому привыкнуть, но я знал, что в глубине души они по-своему мною гордятся.

В Оксфорде я, напротив, чувствовал себя как дома. Здесь мне было хорошо, как нигде и никогда прежде. Здесь я обзавелся отличными друзьями, большинство из которых были такими же социально неадаптированными интровертами, каким был и я. Здесь никто не смеялся над теми, кто во время лекций садился в переднем ряду или делал слишком много записей. Пока я учился, мне постоянно казалось, будто я что-то пропускаю или недополучаю чего-то важного, и я прилагал все силы, чтобы это важное отыскать и усвоить. Когда-то я полагал, что в Оксфорде я буду курить толстые сигары, ходить по вечеринкам и приемам и проводить время с женщинами по имени Камилла, Корделия или как-нибудь еще в этом роде, пока нас не застанут пробившиеся в будуар лучи утреннего солнца. В реальности же я проводил вечера в библиотеках, а ночи – за своим письменным столом. Это был единственный и по-настоящему мой способ приятного времяпрепровождения. Был, пока я не встретил тебя.

Тот день я ждал с нетерпением. Для меня и моих коллег была первая за несколько лет настоящая рождественская вечеринка. Денег у нас всегда было мало, поэтому ничего особенного мы не планировали, но в том году нам повезло: примерно за неделю до праздника двое университетских кураторов, явившись в лабораторию, опустили в стеклянную колбу несколько банкнот, чтобы у нас было, на что встретить праздник. Даже не знаю, что было бы, если бы руководство отдела не проявило столь неслыханную расточительность. Впрочем, знаю… Я бы все равно торчал поблизости от твоего столика, пытаясь расшифровать твои жесты и гримасы, словно я был зрителем на выступлении прославленного мима, а не одним из клиентов на веранде паба.

Ты была душой компании, что меня нисколько не удивило. Впоследствии я узнал, что тебе всегда нравилось привлекать внимание, быть сосредоточием всех взглядов. Слева от тебя сидел парень в твидовом пиджаке с волосами соломенного цвета, который ловил каждое сказанное тобой слово и смеялся твоим шуткам чуть громче и чуть раньше, чем остальные. Я, однако, каким-то образом сразу почувствовал, что между вами существует определенная дистанция, поэтому ничтоже сумняшеся списал его со счетов, как еще одного неофита, подпавшего под твои чары.

Моим коллегам понадобилось не слишком много времени, чтобы заметить: сегодня мои мысли и мое внимание находятся где-то далеко. Петр толкнул меня локтем и отпустил пару грубоватых шуток, но я лишь порадовался тому, что четыре года докторантуры не избавили приятеля от неудобопонимаемого польского акцента. Пожалуй, только Джек, наш лаборант, который посвящал около сорока часов в неделю размножению тритонов, отпустил единственное за вечер разумное замечание.

– Что ты теряешь, Фрэнк? – спросил он. – Что, кроме еще одной ночи в пустой, холодной постели?

И когда я увидел, что ты встаешь, чтобы в свою очередь сделать заказ для всей компании, я понял: вот он, мой шанс! Да и друзья не позволили бы мне его упустить. Как только ты поднялась со скамьи и, выбравшись в проход, двинулась к стойке, держа в руках пустые стаканы, они отправили меня за очередной порцией пенного, предварительно сунув мне в руки все, что оставалось в нашей глиняной свинке.

В пабе было тепло и душно, мои очки моментально запотели, и я, проклял свое слабое зрение, почти пожалел, что не оставил очки в общежитии. Правда, один раз я так уже поступил (это было на первом и единственном за последние два года свидании, когда я пригласил в ресторан ассистентку из Глазго), но тогда все закончилось не слишком удачно: Фиона (так звали мою так называемую «девушку») была не особенно довольна, когда, вернувшись из туалета, я сослепу сел за столик другой женщины.

И я поскорее протер очки подолом свитера. Это было одно из лучших маминых творений – на груди зеленела разлапистая елка, и длинные блестящие нитки из вывязанных особым образом шаров и гирлянд на ней тут же зацепились за петли и винты оправы. В конце концов мне все же удалось протереть линзы от испарины, но моя решимость каким-то образом исчезла вместе с ней, и я почувствовал себя глупым и смешным. О чем я только думал, когда позволил себе надеяться, что такая девушка как ты, удостоит меня хотя бы взглядом, не говоря уже о том, чтобы согласиться на свидание? Я уже был готов признать поражение и отправить за очередной порцией пива нашего коллегу Джека, но тут снова вмешался Петр. По пути в туалет он как бы невзначай хлопнул меня сзади по спине, а когда я обернулся – подтолкнул меня таким образом, что я попятился, наткнулся на кого-то из столпившихся у барной стойки клиентов и тут же налетел прямо на тебя. На мгновение я испугался, что твоя башенка из

составленных друг на друга пустых бокалов вот-вот опрокинется, и машинально вытянул вперед свободную руку, чтобы ее поддержать. Каким-то чудом мне это удалось. Еще бо?льшим чудом было то, что, потеряв равновесие, я все же сумел устоять на ногах и хотя бы частично спасти лицо.

– Прошу прощения… – Я вспыхнул, отчего мое лицо в одно мгновение сделалось таким же красным, как мои рыжие волосы. Неизвестно, что еще я бы сказал, но, к счастью, ты меня перебила. Останавливая поток слов, готовый сорваться с моего языка, ты прокричала, перекрывая шум множества голосов:

– Большое спасибо! Никогда не умела рассчитывать собственные силы, вот и набрала больше, чем могу унести. Можно угостить вас в знак признательности за помощь и все такое?..

– Нет. Впрочем, спасибо… То есть, я хотел сказать – мне очень приятно, но… – В качестве объяснения я звякнул монетками в одном из своих бокалов. – Я тут с друзьями. Сейчас моя очередь платить…

– Приятно встретить человека с принципами. По нашим временам это редкость. – Ты улыбнулась. Не знаю, быть может, это мое воображение сыграло со мной шутку, но мне показалось, будто ты сделала крошечный шажок в мою сторону.

Но, прежде чем я успел завершить свой анализ, ты отвернулась, чтобы сделать заказ, попутно очаровав бармена; он даже рассмеялся какому-то твоему замечанию, которое ты сделала, глядя, как струя сидра из крана бьет в дно одного из бокалов. И пока готовые порции одна за другой выстраивались перед тобой на стойке, у меня язык чесался спросить, нельзя ли осуществить твое предложение выпить как-нибудь в другой раз. Скажем, сразу после Рождества. Только вдвоем – ты и я.

Но я так и не издал ни звука. Щеки мои по-прежнему пылали, а ладони стали скользкими от пота. Пытаясь успокоиться, я стал думать о проблемах эволюции и мутации генов, о которых было написано в статье, лежащей в заднем кармане моих джинсов. «ДНК-мутации шпорцевых» – так, кажется, она называлась. Увы, никакая научная информация и никакие поточечные диаграммы адаптивных изменений не могли помочь мне одолеть смущение, сковавшее мои члены и язык. И уже не в первый раз мне пришло в голову, что, если так будет продолжаться и дальше, я, пожалуй, вряд ли сумею реализовать свои шансы на

продолжение рода до того, как мне стукнет сорок.

Пока я раздумывал и колебался, ты как-то слишком быстро составила бокалы на любезно предложенный барменом поднос и вновь поглядела на меня. Убрав волосы за ухо, ты сказала:

– Что ж, спасибо еще раз…

– Фрэнк, – подсказал я. – Меня зовут Фрэнк.

– Мэгги, – представилась ты. – Вообще-то, я Марго, – спасибо моей мамочке, – но полным именем я почти не пользуюсь. Во-первых, оно звучит слишком старомодно, а кроме того, кто-то может подумать, будто у меня есть французские корни. Но я не француженка и вовсе не хотела бы ею быть.

– Хорошо, я запомню.

– Что именно? Что я не француженка или что я не хотела бы ею быть?

– И то и другое.

Ты улыбнулась моим словам. Улыбнулась и сказала:

– А что я должна запомнить о тебе?

На этот раз никакой ошибки быть не могло. Это была не игра воображения и не мое слабое зрение. Я был уверен: ты действительно шагнула ко мне и оказалась так близко, что край твоего подноса коснулся моей груди.

– Ах да!.. Фрэнк – мужчина с принципами. Хотя твой свитер вроде бы свидетельствует об обратном.

Я только пожал плечами (что еще мне оставалось?), и блестящие новогодние шары из металлизированной нитки ярко блеснули в свете ламп над стойкой. Должно быть, я действительно был похож на клоуна, потому что ты громко расхохоталась, закинув голову далеко назад, а я… На несколько секунд все окружающее для меня просто исчезло. Перестало существовать. Многоголосый

шум переполненного зала стих, и наступила тишина. Обстановка паба расплылась, потекла разноцветным туманом. Теперь я видел только тебя. Ты была везде – передо мной, позади меня, вокруг меня. Умом я понимал: вот подходящий момент пригласить тебя на свидание, и в то же время мне было совершенно ясно, что любая попытка нарушить наступившую тишину была бы святотатством.

Ее нарушил Петр.

– Эй, Фрэнк! – заорал он. – Ты идешь или нет? Мы уже заждались!

– Тебя зовут! – крикнула ты, перекрывая дружный рев очередной подвыпившей компании, которая только что ввалилась в паб и, продолжая горланить рождественские гимны, захлопала ладонями по стойке бара. – Твои друзья хотят выпить, не следует заставлять их ждать. – И, голосом чуть более тихим, ты вдруг добавила, словно сообщая мне тайну, которая касалась только нас двоих:

– Счастливого Рождества, Фрэнк.

Через секунду ты уже вышла на веранду, а я понял, что не только пропустил свою очередь к бару, но и упустил шанс сказать тебе самое важное.

Что я должен был сказать тебе, Мегс? Разумеется, пригласить на свидание, но этого было бы совершенно недостаточно. Я понимал, что поклонников, добивающихся твоей благосклонности, у тебя хватает, поэтому мне хотелось сказать что-то, чтобы ты сразу поняла: то, что я к тебе чувствую – другое. Мне хотелось, чтобы ты знала: даже несмотря на запотевшие очки, я совершенно точно знал, на каком расстоянии ты от меня стои?шь, потому что в тебе было что-то, на что отзывалось мое естество. Именно тогда я понял, что ты и есть Та Самая Девушка. Тогда я тебе этого не сказал, потому что боялся тебя отпугнуть, но в глубине души я твердо знал: ты моя, Мегс.

Моя навеки.

После той самой первой встречи в пабе я думал о тебе постоянно. Не проходило и пяти минут, чтобы я не вспомнил о тебе – о твоей чарующей улыбке, о твоем естественном и неотразимом обаянии. Только подумать, что тогда нас разделял всего-навсего поднос с бокалами!

На следующий день, все еще кляня себя за упущенную возможность, я поехал домой в Гилфорд. Я по-прежнему был один, что вызвало у мамы и отца очередной приступ глубокого разочарования по поводу моей неспособности устроить свою семейную жизнь. К счастью, моя сестра Чесси, которая была моложе меня на два года, приехала на праздники с женихом, что до некоторой степени отвлекло от меня внимание родителей.

И все же мне пришлось нелегко. Неумолимые, словно часовой механизм, родители и родственники то и дело интересовались, есть ли у меня кто-нибудь и когда же я найду себе подходящую леди, чтобы создать семью, но я только отмахивался, делая вид, будто читаю материалы для своей будущей статьи или сражаюсь с кроссвордом. Нужно сказать, что мое непонятное одиночество всегда вызывало у домашних не только изумление, но изрядную иронию, поэтому свою озабоченность отсутствием у меня девушки они перемежали довольно едкими замечаниями – мол, я ни за что не отважусь на решительный шаг, пока не разработаю график «правильного ухаживания», который можно будет более или менее успешно применить к моим попыткам в этом направлении.

Но как, скажите на милость, мог я рассказать всем этим в общем-то неплохо относившимся ко мне людям, что всего несколько дней назад я встретил девушку, способную составить счастье всей моей жизни, но из-за собственной медлительности и неловкости позволил ей раствориться в темноте прокуренного паба, даже не попытавшись пригласить ее на свидание? В своем воображении я то и дело представлял, как ты сидишь рядом со мной за столом, как вместе со мной и родителями ты обходишь улицы, чтобы вручить рождественские подарки знакомым, как мы спим в моей детской кровати, накрывшись узким односпальным одеялом, и как вырабатываем свой собственный жар, когда одеяла оказывается недостаточно. За праздничным ужином с индейкой я мучил себя видениями, в которых ты встречаешь Новый год с другим мужчиной и звонко, заразительно смеешься, а на твоем пальце сверкает новенькое кольцо…

Как я ни старался, мне не удавалось выбросить тебя из головы, забыть о тебе. И даже когда я вернулся в Оксфорд, легче мне не стало – в частности потому, что

парни из лаборатории не давали мне забыть о моем промахе. С какой стороны ни посмотри, тот январь стал самым тяжелым и мучительным в моей жизни. Я почти не спал и почти не ел (хотя на жалование лаборанта-исследователя и без того не особенно разгуляешься), поэтому не было ничего удивительного в том, что в конце концов я подхватил какой-то вирус.

Сухой, отрывистый кашель безжалостно рвал мне горло и днем и ночью, так что в конце концов глава семьи, у которой я снимал комнату, отправил меня к врачу (полагаю, не столько из жалости, сколько из-за того, что я не давал никому спать). Так я оказался в клинике в Джерико [3 - Джерико – богемный район рядом с центром Оксфорда.], где больных принимали без предварительной записи. Должно быть, мои сипы и хрипы произвели впечатление даже на врача, который недолго думая выписал мне антибиотики и строго-настрого наказал беречь себя, пока мой кашель не превратился во что-нибудь более серьезное.

Минут через пять меня уже выставили из кабинета в приемную, которая успела за это время наполниться пациентами. Из-за толпы я даже не сразу разглядел дверь, через которую вошел: мой взгляд невольно останавливался то на молодой матери, с усилием жонглировавшей двумя серолицыми младенцами, то на парочке с одинаковыми гипсовыми повязками на запястьях, то на подростках с остекленевшими глазами, которым не хватило сидячих мест и которые, поминутно переступая с ноги на ногу, подпирали стены приемной. Наконец я увидел дверь и, на ходу бормоча извинения, стал протискиваться к выходу, когда мое внимание вдруг привлек голос, доносящийся из-за неплотно прикрытой двери процедурного отделения в углу приемной.

Этот голос я узнал бы, где угодно.

– Не волнуйтесь, не волнуйтесь! – говорила ты. – Доктор всех примет, так что устраивайтесь поудобнее и ждите. Я здесь недавно, так что имейте снисхождение. Все будет хорошо, только потерпите немного!

В одно мгновение я перенесся назад в «Розу и Корону». В твоем голосе звучала все та же напускная небрежность, все то же инстинктивное умение обезоружить и расположить слушателя, все то же ненавязчивое обаяние, от которого у меня вновь закружилась голова, перед глазами все поплыло. В течение нескольких секунд я был как никогда близок к тому, чтобы потерять сознание, однако, несмотря на это, мне было совершенно ясно: я должен действовать немедленно. Сейчас или никогда.

Даже не знаю, откуда у меня взялось столько куража, но факт остается фактом: не успев даже толком обдумать свои слова, я крикнул:

– Мэгги! Мэгги! Это я, Фрэнк!..

Ты замолчала на полуслове, потом я увидел в дверях сестринской твою макушку. Ты поднялась на цыпочки, стремясь рассмотреть меня среди больных. Но я был уже совсем рядом.

– Мэгги… то есть, сестра Марбери… – выдавил я, успев каким-то чудом рассмотреть, что написано на беджике, прицепленном к нагрудному карману твоего рабочего халата (постаравшись, впрочем, не смотреть слишком долго и слишком пристально). На одну мучительную секунду мне показалось, что ты меня не помнишь, но тут ты с облегчением выдохнула и улыбнулась.

– Фрэнк! Человек с принципами! Что ты здесь делаешь?

И тут, – должен признаться, невероятно кстати, – в груди у меня захрипело, и я громко раскашлялся, прижав к губам испачканный и измятый вследствие многократного употребления носовой платок. Ни до, ни после этого случая я никогда так не радовался столь своевременному приступу жестокого кашля. Это судьба, думал я. Это случилось, потому что должно было случиться!

– А-а, понимаю… Теперь все ясно. – Ты снова улыбнулась и легко коснулась моего плеча кончиками пальцев, тепло которых я почувствовал даже сквозь пиджак. Место, на которое ты положила руку, тотчас закололо тысячами иголочек, и я осознал, как сильно я жаждал этого прикосновения. Твоего прикосновения.

На нас уже начали оборачиваться, и ты мудро решила не устраивать представление зевакам на потеху.

– Такой кашель, Фрэнк, вещь серьезная, – сказала ты, чуть сдвинув чудесные котиковые брови. – Его ни в коем случае нельзя запускать. Помимо лекарств ты должен пить как можно больше горячего чаю, а на грудь хорошо бы горчичники или горячие компрессы…

– Я хотел бы задать тебе один вопрос, Мэгги, – перебил я, продолжая удивляться собственной храбрости. – И не по поводу кашля… Как насчет того, чтобы сходить куда-нибудь вдвоем? Только ты и я?..

После нескольких недель простуды мой голос звучал хрипло и невнятно, но в нем отчетливо слышались новые для меня решительные нотки.

Наш разговор, тем временем, привлекал все больше внимания. Я буквально чувствовал, как столпившиеся за моей спиной пациенты подаются вперед, чтобы лучше слышать. Даже девушка в регистратуре в дальнем углу приемной навострила уши и с подозрением покосилась в мою сторону. Судя по выражению ее лица, она готова была показать мне на циферблат своих часов, даже если бы для этого ей пришлось оторваться от внушительной стопки больничных карточек, в которые она вносила какие-то записи.

– Мне бы очень этого хотелось.

Сначала я даже не понял, что мое приглашение принято. Я вообще утратил способность что-либо понимать, однако все же сумел изобразить улыбку, которая, как мне казалось, должна была выразить мой крайний восторг и в то же время – не испугать тебя. Невероятно, но мне и это удалось. Во всяком случае ты выразила свое согласие с такой легкостью и простотой, словно пойти на свидание с едва знакомым мужчиной было для тебя самым обычным делом.

– Как раз завтра я собиралась взять недельный отпуск, – сказала ты с очаровательной улыбкой. – Думаю, к этому времени твой кашель станет полегче, и… Можешь зайти за мной в половине третьего, я буду ждать тебя у выхода из хирургического отделения. Ну а куда мы пойдем – это тебе решать.

И с этими словами ты пригласила в процедурную очередного пациента.

Выйдя на свежий воздух, я невольно вздохнул полной грудью. Было огромным облегчением избавиться от запахов давно немытых человеческих тел и антисептика, которыми была буквально пропитана атмосфера в приемной. Оседлав велосипед, я покатил домой, испытывая небывалый подъем. Я нашел тебя и не просто нашел, но даже уговорил тебя прийти ко мне на свидание. Самому бы мне всего этого ни за что не добиться, как бы я ни старался, следовательно, решил я, это было предопределено судьбой, которая в кои-то

веки оказалась на моей стороне. И только когда я оказался под одеялом в своей постели, мне пришло в голову, что самое сложное еще впереди.

Наше первое свидание прошло как по нотам. Разумеется, я приехал на место намного раньше назначенного срока и долго нарезал круги по окрестным улочкам, надеясь только на то, что местные жители, вне всякого сомнения наблюдавшие за мной из-за тонких тюлевых занавесок, все же не станут звонить в полицию, чтобы сообщить о подозрительном рыжем верзиле, который вот уже битый час что-то высматривает и вынюхивает в их тихом квартале. Ты не опоздала ни на минуту. Верная своему слову, ты появилась из дверей хирургического отделения ровно в половине третьего, и я еще издалека увидел, как сверкает на солнце твоя красная парадная юбка. Наверное, все-таки парадная, думал я; трудно было ожидать, что медицинская сестра станет каждый день надевать на работу столь яркий предмет туалета, способный скорее вызвать разрыв сердца, чем излечить от него. Мое сердце, во всяком случае, билось все быстрее с каждым шагом, который ты делала мне навстречу.

– Привет, Фрэнк, – поздоровалась ты, и я увидел, что щеки у тебя слегка раскраснелись. Вот только отчего – от холода или от волнения? – подумалось мне. – Куда пойдем?

– Я хотел предложить сходить в музей Эшмола [4 - Эшмолеанский музей искусства и археологии или Музей Эшмола – старейший в мире общедоступный музей. Одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете.]. Там как раз открылась интересная выставка японской живописи по шелку… – Я осекся, на мгновение усомнившись в своем понимании основных правил «романтического свидания» и заодно в собственной способности спланировать хоть что-то по-настоящему интересное. Мои слова показались мне словами старика, – ну или человека как минимум на тридцать лет старше, чем я был тогда, – и я мучительно сморщился, тщетно пытаясь срочно изобрести что-то чуть более привлекательное.

– Как это необычно, Фрэнк! Необычно и… интересно. Ты, я вижу, действительно свободен от наших основных национальных предрассудков. Что ж, идем скорее.

На одно мучительное мгновение мне показалось, что ты надо мной смеешься, но ты простым и исполненным полного доверия движением взяла меня под руку и… и я сразу забыл обо всех своих страхах. Твое искреннее воодушевление передалось и мне, и я больше не сомневался, что сделал все как надо.

В музее ты расспрашивала меня о выставке. К счастью, в залах почти никого не было (а я весь буквально извелся, представляя себе и школьные экскурсии, которые станут свидетелями моего позора, и моих собственных дипломников, которым как раз сегодня могло захотеться воспользоваться студенческой скидкой, чтобы побывать в музее), поэтому понемногу я раскрепостился. В том, как загоралось твое лицо, когда я сообщал какой-нибудь крошечный факт, в том, как ты наклоняла голову к плечу, как смотрела на меня снизу вверх, было что-то такое, отчего мне еще больше хотелось произвести на тебя впечатление, и я старался изо всех сил.

В тот день я превзошел самого себя. Сам того не заметив, я превратился в специалиста по периоду Эдо [5 - Период Эдо – период в истории Японии, время правления клана Токугава (1603–1868 гг.).]. С умным видом я комментировал и тончайшую императорскую керамику той эпохи, и расписные шелковые ширмы, уцелевшие после падения Осакского за?мка [6 - Замок в Осаке – пятиэтажный самурайский замок в городе Осака, который играл ключевую роль в японской истории конца XVI – начала XVII вв.]. На ходу изобретая красочные подробности, я уповал лишь на то, что ты не слишком хорошо разбираешься в истории Японии и не сумеешь разоблачить мои выдумки, которые становились все невероятнее по мере того как росло мое желание доставить тебе удовольствие и сделать так, чтобы на твоем лице не гасли румянец и заинтересованная улыбка. Впервые в жизни я чувствовал себя уверенно. Я был спокоен и красноречив, я не лез за словом в карман и не испытывал обычного для меня желания быть или хотя бы выглядеть кем-то, кем я на самом деле не являлся. Причина подобной метаморфозы была очевидна: ты была рядом, ты была со мной и, похоже, ничуть не тяготилась моим обществом, что казалось мне невероятным и чудесным.

В последней витрине экспозиции были выставлены разнообразные шелковые веера, искусно, я бы даже сказал – изысканно раскрашенные и снабженные легкими бамбуковыми рукоятками, словно выточенными из пожелтевшей полупрозрачной кости. На столике рядом лежали современные, дешевые копии старинных шедевров, предназначавшиеся, главным образом, для школьников, которые могли, по желанию, либо обмахиваться ими, пробуя себя в роли японских леди, либо лупить ими друг друга по головам, пока учительница глядит в другую сторону.

Взяв один из вееров в руку, я прикрыл им подбородок и постарался придать своему лицу кокетливое выражение.

– Понравилась ли вашему императорскому величеству наша скромная выставка? – осведомился я игриво.

В ответ ты рассмеялась, закинув назад голову и демонстрируя мне прекрасную нежную шею, и я почувствовал себя на седьмом небе.

Наконец ты немного успокоилась и шагнула ко мне.

– Ты очень необычный человек, Фрэнк, – сказала ты. – Необычный и… и просто необыкновенный! – И, бросив по сторонам быстрый взгляд, ты отодвинула от моего лица дешевый бумажный веер и поцеловала в губы.

Именно тогда я понял, что люблю тебя, Мегс. С тех пор мое чувство с каждой минутой становилось только сильнее. Мне следовало бы признаться тебе еще тогда, но я не хотел торопиться. Мне казалось, что для признаний еще слишком рано. У нас впереди было достаточно времени, чтобы разобраться в наших чувствах как следует. Мне, в частности, еще только предстояло осознать, как глубоко ты проникла в мои плоть и кровь. Лишь сейчас, когда мы уже почти истратили отпущенный нам срок, я понял свою ошибку. И эту, и все остальные тоже… В последние шесть месяцев я не был ни твоим гидом, ни твоим самураем. Я сам сделал себя никем.

Прости меня, Мегс, если можешь.

4

Я не могу не думать о том, как сильно не понравилась бы Мэгги вся эта суета вокруг ее собственного неподвижного тела. Сама она могла часами возиться с каким-нибудь больным, но, когда дело касалось лично ее, Мэгги становилась решительной и твердой: она никому не хотела доставлять затруднения и быть обузой. Это даже не обсуждалось.

Когда в это утро я снова пришел в больницу, мне пришло в голову сосчитать, сколько медсестер то и дело заходит в палату, чтобы записать показания мониторов, проверить жизненно важные показатели или просто убедиться, что

все идет как положено (Мэгги, впрочем, по-прежнему не шевелилась и ни на что не реагировала). Насчитав шесть сестер и санитарок, я, однако, перестал заниматься глупостями, решив, что мне лучше направить мое внимание на что-то более важное.

Начав «беседовать» с Мэгги, я не без удивления обнаружил, что у меня понемногу развязывается язык. Действительно понемногу, но прогресс был налицо. Я снова мог говорить откровенно. Да, я предпочитал выбирать приятные или, в крайнем случае, нейтральные темы, и тем не менее дело, пусть медленно, все-таки пошло?. Отчасти это можно было объяснить тем, что я оказался в каком-то смысле в безвыходном положении: вот больничная койка, на которой лежит мой самый дорогой человек, а вот я, который обязан находиться рядом, и от этого мне не уйти, не спрятаться. Я должен быть здесь – и нигде больше. Я больше не могу закрыться в своем кабинете, не могу зарыться в бумаги или уткнуться в кроссворд, не попытавшись перекинуть мостик через разделившую нас пропасть.

Как я дошел до жизни такой? В самом страшном сне я не мог представить, что вещи, которые я должен был сказать тебе, Мегс, в последние несколько месяцев – или в течение всей жизни – мне придется говорить, обращаясь к твоему неподвижному лицу, которое за последние сорок восемь часов даже ни разу не дрогнуло.

– Так вы останетесь, Фрэнк? – спросила Дейзи, принимая от следовавшей за ней по пятам ассистентки новый комплект дыхательных трубок.

– Простите, что?

– Вы останетесь здесь или..?

– Я не могу уйти, Дейзи. Просто не могу.

– Я и не говорила, что вы должны. Правда, некоторые врачи считают, что родственники могут посещать пациентов строго в установленные часы, но вам повезло: вы имеете дело не с кем-нибудь, а с Дейзи. А если Дейзи что-то сказала, значит, так тому и быть. Сейчас Дейзи говорит, что, если вы решили побыть с миссис Мэгги подольше, это можно устроить. Перед концом моей смены я принесу вам постельные принадлежности и все остальное. Ну, хотите?..

Согнув руку в запястье, она потерла глаза острым суставом, видневшимся между рукавом халата и резиновыми перчатками. Когда Дейзи опустила руку, ее глаза показались мне еще больше, чем раньше. Два тускло-голубых кружка уставились на меня в ожидании ответа.

– Если вам не трудно.

– Что вы, Фрэнк, совсем не трудно! Только предупреждаю заранее: на многое не рассчитывайте, удобства у нас минимальные: что-то вроде кемпинга или даже похуже. С другой стороны, вы сэкономите время, так как вам не нужно будет лишний раз ездить туда-сюда. Или, может быть, вам нужно побывать дома, чтобы взять какие-нибудь мелочи?

Да, время… Вечный и могущественный враг. Сколько часов или дней у меня еще осталось, прежде чем врачи решат отключить приборы, удерживающие Мэгги на грани жизни и смерти? Они вполне могут сделать это. Из сострадания. Ради экономии бюджета. Ради сохранения рассудка у всех нас. От этих мыслей меня охватила тошнота, и я постарался отогнать от себя страшное видение: рука в хирургической перчатке выдергивает электрический штепсель из стенной розетки за изголовьем Мэгги.

Дейзи закончила свои медицинские манипуляции, и в течение нескольких мгновений мы просто глядим друг другу в глаза. Я отвожу взгляд первым. Каким-то образом ее присутствие создает в палате исповедальную атмосферу, а я пока не готов к откровениям, хотя сделанный мною шаг в этом направлении оказался неожиданно большим. Не готов. Быть может, потом. Позже. Да, определенно… Но не сейчас. Надеюсь, времени мне хватит.

Потом Дейзи отправилась на поиски раскладушки и одеял, а я придвинулся чуть ближе к Мэгги. Под ложечкой у меня тотчас засосало – мой желудок всегда реагировал подобным образом, когда я начинал нервничать. Всю жизнь я пытался оказаться как можно ближе к Мэгги, но сейчас мне слишком страшно.

– Ты узнаёшь мой голос? – спрашиваю я, проводя кончиком пальца по ее мягкой щеке. Когда я дохожу до подбородка, я вижу, что палец дрожит. – Тебе еще хочется его слышать? Пожалуйста, Мэгги, проснись! Проснись и скажи мне, что еще не поздно…

Ты согласилась на второе свидание.

Невероятно! Немыслимо!

Мои нервы напоминают электрические провода под напряжением – слишком многое было поставлено на карту. На знаю, заметила ли ты, как вспотели мои ладони, когда я поднялся тебе навстречу? А тот ужасный момент, когда ты хотела расцеловать меня в обе щеки – жест столь же утонченный, сколь и естественный, – а я, вместо того чтобы ответить тем же, протянул тебе руку, словно явился не на свидание, а на собеседование в отдел кадров.

Мы встретились в конце узкого переулка. Ты его помнишь?.. Два года спустя где-то поблизости от него поселилась твоя подруга Эди. Уже тогда этот район выглядел небезопасным или, во всяком случае, не романтическим, но… За несколько дней до нашей встречи я передал записку с подробным описанием места нашей встречи в приемную хирургического отделения, одновременно и опасаясь, что мое послание до тебя не дойдет, и боясь, что, прочтя его, ты не появишься. Лишь впоследствии мне было суждено узнать, что ничто не доставляет тебе большего удовольствия, чем неожиданное, непредвиденное. Ты и меня научила ценить неожиданное. Впрочем, я с самого начала догадывался, что ты – настоящая волшебница, которой подвластны еще и не такие чудеса.

– Ну что?.. – спросила ты.

– В каком смысле? – не понял я.

– Чем мы займемся сегодня? Куда пойдем? У тебя такое взволнованное лицо, Фрэнк!.. Наверное, ты приготовил для меня что-нибудь интересное.

– Я хотел предложить немного покататься на лодке, – произнес я с интонацией, которую я всю неделю ежедневно репетировал в ду?ше. Мне хотелось, чтобы мой голос звучал солидно. Уверенно. Именно таким голосом пристало говорить новому Фрэнку – Фрэнку, в существование которого, если признаться честно, я никак не мог поверить.

– О-о, это замечательно!

Не успел я мысленно поздравить себя с очередным успехом («Два очка из двух возможных! Неужели и в третий раз все получится?»), как в небе глухо загрохотало, и мы как по команде вскинули головы, чтобы взглянуть на плотные серые тучи, среди которых виднелось всего два или три светлых пятнышка. Я первым опустил глаза и успел заметить, как по твоим губам скользнула легкая улыбка.

– По радио обещали, что будет ясно. Все-таки начало весны… – начал я. На самом деле стоял конец февраля, мы оба были в куртках и шарфах, и я мысленно пожалел, что доверился болтливому синоптику. – Хотя, – добавил я чуть менее уверенно, – хотя, быть может, сегодня действительно не самая подходящая погода для катания на лодке…

– А может, наоборот?.. – возразила ты, бросая на меня озорной и чуть-чуть вызывающий взгляд. – Мы уже почти пришли. Теперь я ни за что не поверну назад, пока не покатаюсь.

От радости мое сердце бьется так громко, что я пугаюсь, вдруг ты его услышишь.

– Ты правда не против немного прокатиться?..

– А то!..

Но несмотря на прозвучавший в твоем голосе оптимизм, ситуация оставалась не самой простой. В борту лодки, которую я позаимствовал у одного из близких друзей Петра (никогда больше не поверю ему на? слово!), оказалась довольно большая щель, которую я не сразу заметил под скамьей, а весла были такими короткими, каких я не видел никогда в жизни. Желая показать себя джентльменом, я сел на скамью над трещиной и вызвался грести, тебе же выпало столкнуть лодку на воду. Твой разбег оказался, однако, слишком стремительным; наше суденышко отошло от берега быстрее, чем мы оба ожидали, поэтому последние несколько шагов тебе пришлось пробежать по воде. В самый последний момент ты успела всем телом навалиться на корму и с такой силой оттолкнулась ногами, что лодка закачалась из стороны в сторону и едва не перевернулась. К счастью, крушения удалось избежать, и к тому моменту, когда ты наконец забралась внутрь, мы оба буквально задыхались от смеха.

Не успев как следует перевести дух, ты сняла с ног намокшие кожаные мокасины и принялась выливать из них мутную зеленовато-бурую жижу. Потом ты встала в лодке во весь рост и одним быстрым движением сняла колготки. Первыми обнажились бедра выше колен, и я увидел, что от холода кожа на них сплошь покрылась гусиной кожей. Впрочем, пялиться на твои ноги показалось мне не совсем приличным, поэтому я принялся как сумасшедший вертеть головой, делая вид, будто гляжу вперед, на противоположный берег. Слишком поздно!.. Нос нашей лодки с такой силой врезался в песок, что ты не устояла на ногах и полетела вперед, прямо на меня. К счастью, я успел тебя поддержать, схватив за плечи, благодаря чему ты не врезалась лбом мне в лицо. Синяка я избежал, но эта не предусмотренная планом свидания близость потрясла меня до глубины души.

– О, мой герой!.. – в твоем голосе прозвучали игривые нотки, которые помогли мне выйти из ступора. На мгновение я представил, что могло случиться, если бы я замешкался. Ты пролетела бы оставшиеся пару дюймов, наши тела соприкоснулись бы, и… В отчаянии я стал думать об одной из своих бабок, которая жила в Дорсете, и о том, как после обеда или ужина она ногтями выковыривала из зубов остатки пищи, складывая самые крупные кусочки на краю тарелки. Еще я думал о склизкой черной плесени на пороге ду?ша, о засорившейся раковине в маленькой кухне рядом с нашей лабораторией, из слива которой отвратительно воняло… Сейчас я готов был думать о любой гадости, лишь бы отвлечься от непривычного стеснения в чреслах. К счастью, еще до того, как я успел опомниться, ты уже снова сидела передо мной на кормовом сиденье. Неловкий момент миновал, и мое учащенное дыхание постепенно пришло в норму.

За всеми этими переживаниями мы не заметили, что нашу лодку понемногу сносит течением, поэтому, когда я наконец опомнился и взялся за весла, выяснилось, что вода уже сделала за меня бо?льшую часть работы. Теперь мы находились в небольшом заливе, неподвижная поверхность которого была так плотно покрыта изумрудными листьями водяных лилий, что кое-где они даже находили друг на друга. Пробиваться сквозь этот зеленый ковер было нелегко, но поскольку рядом со мной была ты, я не испытывал никакой необходимости налегать на весла, чтобы заставить жизнь двигаться хотя бы немного быстрее.

У дальнего берега выбрались из воды две диких утки, самец и самочка.

– Ты хотел бы иметь семью, Фрэнк?

Признаюсь честно: пока ты не спросила, ни о чем подобном я не задумывался. Я был настолько уверен в своей неспособности отыскать человека, с которым можно было бы провести ночь, не говоря уже о днях, что вопрос о семье оставался для меня туманным, гадательным. Ты стала первой женщиной, которую я мог представить себе в качестве… да, в качестве спутницы жизни. Ты стала моей первой любовью, пусть и на десятилетие позже, чем это случилось с другими. Последние несколько лет я наблюдал, как мои друзья и знакомые торопливо, словно наперегонки, женились, производили на свет детей, разводились и снова сходились (да-да, был и такой случай!), но сам я, если воспользоваться спортивной терминологией, все еще мешкал на старте. Найти подходящего человека казалось мне задачей почти невыполнимой.

Разумеется, я нередко спрашивал себя, почему я не встретил никого раньше. Думаю, всему виной были моя застенчивость, робость, неуверенность в собственных силах и так далее. После инцидента с Фионой я очень долго не мог набраться смелости пригласить на свидание какую-нибудь симпатичную девушку. И даже в тех редких случаях, когда мне это удавалось, никакого дальнейшего развития моя инициатива, увы, не получала. И если, сидя с друзьями за бокалом пенного, я еще мог над этим смеяться, то, оказавшись дома в своей одинокой постели – узкой и к тому же слишком короткой, чем требовал мой рост (нищим выбирать не приходится!), я пытался анализировать ситуацию и понять, что я делаю не так. Быть может, думалось мне, всему виной мой голос, который начинал предательски дрожать, когда я приглашал «потенциальную невесту» в ресторан или в кафе. Заслышав эту отталкивающую дрожь, они, конечно, сразу понимали, что перед ними вовсе не уверенный в себе лидер, не герой, не принц на белом коне и вообще не тот, о ком они мечтали. Но в чем же моя ошибка? Разве я не прилагал все силы, разве не проводил подготовительную работу, закладывая, так сказать, фундамент? И лишь после еще одной-двух неудачных попыток до меня дошло, в чем дело. Для всех этих молодых женщин я был всего лишь старым добрым Фрэнком. Просто другом, и не более того… Для того же, чтобы превратиться в чью-нибудь «любовь всей жизни», мне, как видно, не хватало уверенности, не хватало изюминки. Вот только где мне взять эту изюминку? И кстати, что она такое?

Но все это было до тебя, Мэгги. Ты изменила меня. Превратила в кого-то совершенно нового. В человека, каким я никогда раньше не был.

Размышляя обо всем этом, я не сразу ответил на твой вопрос. Наконец я сказал:

– Даже не знаю. Наверное да, хотел бы… Извини, это, наверное, не слишком хороший ответ, но лучшего у меня пока нет. Ну а ты?.. Ты хотела бы иметь семью?

– Да, да, конечно! Очень хотела бы, – ответила ты без малейшей паузы.

– Ты, наверное, очень близка со своими родителями? – снова спросил я, опуская ладонь в воду. Некоторое время я смотрел, как она, словно лезвие ножа, режет зеркальную водную поверхность, и только потом поднял на тебя взгляд.

– Нет, не сказала бы. Мой отец умер два года назад, а мать…

– Ох, прости…

Ты остановила меня движением руки, словно мои извинения не имели никакого значения.

– Ничего страшного… то есть – теперь ничего. Честно сказать, мы с папой вовсе не были близки, но это все равно очень грустно, правда?

И впервые с нашего знакомства мне открывается другая сторона тебя – та, которой я прежде не видел, не знал. Общительная, веселая девчонка, насмешница и великолепная рассказчица исчезла, и ты стала задумчивой и печальной. Я вижу, как нелегко тебе взглянуть мне в глаза, и чувствую – у тебя есть какая-то тайна, которой не так-то легко поделиться. Некоторое время ты теребишь рукав своего кардигана, плотно накручивая его на запястье, и наконец подцепляешь ткань согнутым большим пальцем, который оказывается словно в плотном шерстяном колпачке.

– А братья или сестры у тебя есть?

– У меня два брата, оба старше меня. Один из них сейчас в Нью-Йорке, а другой… Честно говоря, даже не знаю. Он художник. В последний раз, когда я получала от него весточку, он делал выставку в Шотландии.

– А твоя мама? Она..?

– …Жива? Да, она жива, просто бо?льшую часть времени она… отсутствует. Мама ушла из семьи, когда мне было тринадцать. Вышла замуж… – Это не просто констатация факта. В твоем голосе проскальзывают интонации, которые я не могу распознать. Что это? Сожаление? Безысходность? Печаль?

– А сейчас? Сейчас вы с ней видитесь?

– Время от времени. Мама живет за границей и много путешествует. Вместе со своим новым мужем. Все это так… – Ты описываешь ладонями круг, потом поднимаешь их к небу, словно стараясь показать, насколько ты не властна над ситуацией.

– …Сложно? – пытаюсь угадать я.

– Это непросто. Но семейные отношения редко бывают простыми.

Не успел я в полной мере почувствовать так хорошо мне знакомое беспокойство (что мне ответить? о чем говорить дальше?), как вдруг моей все еще опущенной за борт руки коснулось что-то быстрое, прохладное. Это была лягушка, которая по ошибке приняла мою ладонь за лист кувшинки. Очень медленно, стараясь не напугать земноводное, я осторожно поднял ладонь из воды и одним быстрым движением сжал в пальцах крошечное тельце. В первое мгновение лягушка в панике дернулась, выпучив глаза, но потом, видимо почувствовав, что никто не собирается причинить ей вред, успокоилась.

– Кто это? Кого ты поймал? – твое внимание снова переключилось на меня.

– Да так… Один маленький приятель.

– Приятель? Ты действительно очень хорошо с ним обращаешься.

– Ну наконец-то комплимент!.. – шутка далась мне без труда, но я все еще не был намерен торопить события. – На самом деле все просто. Я работаю с лягушками постоянно.

– Правда?! – похоже, ты удивилась не меньше амфибии, которая вяло барахталась в моем кулаке.

– Это очень интересные существа. Честно!.. Подумать только, как далеко мы ушли по лестнице эволюции… Мы в нашей лаборатории как раз занимаемся одной проблемой, которая на языке науки называется генетическим дрейфом. Под этим термином подразумевается один из эволюционных процессов, который отвечает за случайные изменении в популяции от поколения к поколению. К счастью, он не имеет никакого отношения к естественному отбору и теории Дарвина…

– Почему «к счастью»?

– Потому что генетический дрейф дает шанс на выживание даже тем из нас, кто не смог бы уцелеть в дарвиновской борьбе за существование.

– В таком случае, мне это подходит. – Ты кивнула, и на твоих щеках появился легчайший розовый румянец, который постепенно распространялся, захватывая все бо?льшую площадь. А я и не подозревал, что ты смущаешься так же легко, как я. Интересно, чего еще я о тебе не знаю?

– В каждом из нас есть так называемые спящие гены… так, во всяком случае, гласят новейшие теории. Это крошечные частицы, комбинации молекул, которые и увидеть-то нельзя – ну или по крайней мере нельзя увидеть без специального оборудования, однако они способны вызывать различные мутации: и полезные, и вредные.

– Очень интересно. Мне нравится… – произнесла ты чуть слышно, почти шепотом. – Крошечные частички, которые никто не видит, но которые способны вызывать гигантские перемены!..

Наклонившись вперед, я принялся водить пальцем по пупырышкам «гусиной кожи» на твоем колене, которые показались мне похожими на шрифт Брайля. Какие тайны им записаны?

Постепенно уверенность снова вернулась ко мне, даже руки перестали дрожать, и тут в небе над нашими головами загрохотал гром.

– Черт! – воскликнул я, хватая весла. – Пожалуй, пора возвращаться.

К счастью, мы не успели уплыть далеко. Ливень начался не раньше, чем я загнал лодку под навес причала и вычерпал из нее воду. В отличие от меня ты не бросилась в укрытие. Ты даже не двинулась с места. Передав мне свой кардиган, ты стояла под дождевыми струями и только подняла над головой вытянутые руки, так что крупные, тяжелые капли без помех сбега?ли к твоим ногам.

– Мэгги! Сумасшедшая! Ты замерзнешь! – крикнул я.

– Да, мне немного холодно, – проговорила ты таким тоном, словно эта мысль только что пришла тебе в голову. Медленно, словно выходя из транса, ты шагнула в мою сторону, и я поспешил навстречу, держа кардиган наготове.

– Нужно отвести тебя домой, да поскорее, пока ты не простудилась.

Высоко поднимая плечи и делая сложные движения спиной, ты пытаешься влезть в кардиган, который я держу на вытянутых руках.

– К кому домой?

Не знаю почему, но у меня возникло отчетливое ощущение, что меня проверяют. Я знаю, чего бы мне хотелось больше всего, но я по-прежнему осторожен и не хочу на тебя нажимать. Мне страшно тебя потерять, к тому же о каком гостеприимстве может идти речь, если в доме, где я снимаю крошечную комнату, живет семья с двумя детьми, еще не достигшими десяти лет?

– Может, ко мне? – предлагаешь ты, не дождавшись моего ответа.

Я растерянно молчу.

– Джулс и Эди наверняка торчат дома, но они обычно не лезут в чужие дела. Кроме того, у меня найдется что перекусить, а нам обоим это не помешает. – Ты по-прежнему на удивление весела и беззаботна – особенно для женщины, которая стучит зубами от холода.

– Хорошо, – говорю я, но ты, словно не слыша, продолжаешь перечислять, какие сокровища хранятся у тебя в буфете и в холодильнике. – Хорошо, мне будет очень приятно, – говорю я – на этот раз несколько громче, чем намеревался, и

намного громче, чем следовало бы говорить на пустой дорожке вдоль реки, по которой мы идем.

– Ну и отлично. А вот и наши велосипеды. Ну что, по ко?ням?..

В этот день я узнал, что ты – настоящая фурия на двух колесах. Ты мчалась по вымощенным булыжником переулкам, по улицам и аллеям, ведущим к твоей съемной квартире, со скоростью и энергией, которая, как я раньше думал, проявляется только в твоей речи и – изредка – в жестах. Да, эта наша поездка под дождем была мало похожа на романтическую велопрогулку бок о бок. В течение почти десяти минут мне пришлось изо всех сил нажимать на педали, чтобы хотя бы не отстать. Наконец ты соскочила с седла и продемонстрировала мне комплект ключей.

– Ну вот мы и дома!

Мне понадобилась почти минута, чтобы отдышаться.

Обстановка в квартире оказалась почти такой, как я и предполагал: тесное пространство казалось еще теснее из-за разбросанного повсюду барахла. Служивший пресс-папье заварочный чайник прижимал к столу стопку счетов, на большинстве которых краснел казенный штамп «Просрочен»; полка с пластинками перекосилась, а вокруг стоявшего под ней дешевого проигрывателя ковром лежали бумажные конверты и вынутые из них диски. Чашки, блюдца и тарелки стояли либо на поручнях дивана, либо на полу рядом. В целом, однако, несмотря на отсутствие порядка, атмосфера в комнате была, скорее, уютной. Не могло быть никакого сомнения: здесь живешь ты, Мэгги. Ты и никто другой. Меня, правда, несколько удивило, что ты переехала сюда всего три месяца назад, но потом я подумал, что иначе и быть не могло. Тебе не нужно было много времени, чтобы твой характер наложил свой особый индивидуальный отпечаток на все окружающее.

Несмотря на твои заверения, Джулс и Эди отнюдь не спешили исчезнуть сразу после знакомства. От них я узнал о тебе многое. О медицинских курсах в Лондоне, где вы познакомились, о меблированных комнатах в Тутинг Коммонз [7 - Тутинг Коммонз – район в Лондоне.], где вы жили, о том, как вас еще больше сблизил инцидент, в котором фигурировали скелет (учебное пособие), десять ярдов бинтов и буйная вечеринка в Белхэме на Хеллоуин. Джулс и Эди трещали

без остановки, благодаря чему за импровизированным ужином мне не пришлось мучительно раздумывать, что бы такое сказать, чтобы произвести впечатление. Откровенно говоря, в течение последующей пары часов мне удалось произнести едва ли с десяток слов.

– Спорим, я первая добегу до туалета?! – крикнула Джулс, которая неудержимо икала после четвертого за вечер бокала горячего пунша.

– Нет я! А ну, с дороги! – взревела Эди и вскочила с такой резвостью, что стул, на котором она сидела, отлетел назад и, опрокинувшись, ударился об пол.

– Нечестно, нечестно! – завопила и Джулс, вскакивая и устремляясь за ней. Некоторое время мы слышали, как они пыхтят и переругиваются на узкой лестнице, ведущей наверх.

– Ну и как после этого удивляться, что домовладелец нас недолюбливает?.. – задала ты риторический вопрос.

Наконец-то мы одни.

В последние несколько часов я занимался почти исключительно тем, что пытался хоть немного сократить разделявшую нас дистанцию. И мои усилия увенчались некоторым успехом. Наши стулья за квадратным столом стоят рядом, колени соприкасаются. Я понимаю – настал подходящий момент, чтобы поцеловать тебя по-настоящему, но тело плохо мне повинуется. Наконец мне удается наклониться к тебе, и, хотя я весь дрожу, я все же замечаю, что ты тоже повернулась ко мне. Чтобы придать себе дополнительную устойчивость, я пытаюсь опереться о стол, но моя ладонь, как назло, попадает в лужицу пролитого соуса и скользит по клеенке. В одно мгновение я теряю равновесие и не успеваю затормозить свое порывистое движение. Ты же продолжаешь двигаться мне навстречу, и мы довольно сильно стукаемся лбами (это вместо поцелуя-то!). Ты смеешься, а я вытираю руку о джинсы и снова опускаю ее на стол, на этот раз – рядом со своим бокалом. Я растерян, разочарован, смущен, но тут ты приходишь мне на выручку. Ты снова подаешься вперед, и я чувствую, как прикосновение твоей прохладной кожи придает мне уверенности. И все же я мешкаю, дожидаясь пока щеки перестанут гореть, а горло перестанет стискивать судорогой.

– Ты останешься на ночь, Фрэнк?

Именно этого я хочу больше всего на свете. Именно этого больше всего на свете боюсь.

– Да, если можно… – с трудом выдавливаю я. – Но сначала… – Язык снова мне отказывает, и я жестом показываю на форменную помойку, которую Мэгги и Джулс ухитрились устроить, пока готовили сосиски с картофельным пюре.

– Ах, это… Не обращай внимания, завтра я все уберу и помою.

Но мы оба знаем, что ты переоцениваешь свои силы. И словно в подтверждение этому огромная стопка кастрюль, сковород, мисок и тарелок слегка качнулась и негромко лязгнула. Бросившись к раковине, ты попыталась ее удержать, а я снял несколько верхних тарелок и положил в мойку. Катастрофа была предотвращена, и мы, переглянувшись, дружно расхохотались.

Я уже потянулся к крану, собираясь открыть воду, но ты перехватила мою руку, и наши пальцы сплелись.

Слова были не нужны. Прежде чем выйти из кухни, ты погасила свет, а потом повела меня вверх по лестнице. Лампу в своей комнате ты зажигать не стала, и я ощупью нашел кровать и сел на краешек. На мгновение ты отняла у меня свою руку (неужели я опять сделал что-то не так?), но почти сразу вернулась, сбросив домашние тапочки и, – я и мечтать о подобном не смел! – села ко мне на колени, всем телом потянувшись к моим губам.

Сейчас, вспоминая ту ночь, я чувствую, как я благодарен тебе за то, что ты не дала мне ни малейшей возможности свернуть на привычный и неизбежный для меня путь сомнений. Не подумаешь ли ты, что у меня уже были другие женщины?.. Не будет ли моя неопытность слишком бросаться в глаза?.. Не отвратит ли она тебя?..

Нет, слава богу, – ни о чем подобном я подумать просто не успел, и в ту ночь мы были только вдвоем: ты и я, твое тело и мое. Мы дарили себя друг другу с чувством глубокой радости от того, что какими бы извилистыми ни были наши предыдущие пути, сегодня они наконец-то сошлись, и мы оказались там, где нам суждено было встретиться.

Я помню наш первый раз, словно это было вчера, Мегс. Я никак не мог сполна насладиться твоей гладкой кожей, твоими руками и ногами, тем, как безупречно мы подходим друг другу. Я не смел даже подумать о том, что дальше может быть еще лучше, что меня ждет нечто гораздо большее, чем то, что я уже получил. И в том, и в другом случае я ошибался, но на этот раз ошибиться меня заставила ты.

Когда мы финишировали – несколько раньше, чем следовало (исключительно по моей вине), ты не стала слушать моих сбивчивых извинений. Ты просто приложила палец к моим губам, и они послушно сомкнулись. Твоя голова покоилась на моем плече, во впадине чуть ниже ключицы, и я жалел только об одном – я так и не успел сказать, что ты сделала меня счастливейшим из смертных.

Я говорю тебе это сейчас.

Спасибо, Мэгги…

5

Иногда я сомневаюсь, что это случилось именно в тот раз, но, быть может, я и ошибаюсь. В конце концов совершенно не важно, когда, какого числа мы в первый раз были вместе, потому что сразу за этим днем последовало еще несколько дней или, вернее, ночей (подряд или, возможно, с короткими перерывами), заполненных непередаваемым, сказочным блаженством. Ночи сменялись короткими, торопливыми утрами, поскольку ты весьма самонадеянно ставила будильник на время, чересчур близкое к часам открытия твоего хирургического отделения. Меня, все еще сонного, тебе приходилось вытаскивать из постели за ноги, причем я пытался спрятать голову под подушку, чтобы отгородиться от шума, который поднимали вы с Эди и Джулс. На душ, не говоря уже о завтраке, времени не оставалось, поэтому, когда ты выталкивала меня из дома, я походил на огородное пугало: волосы торчат, одежда измята, рубашка застегнута сикось-накось. В отличие от меня ты умудрялась выглядеть безупречно, что неизменно приводило меня в изумление.

Пожалуй, справедливо будет сказать, что в эти первые несколько месяцев мы спали очень мало, но я переставал ворчать и жаловаться на недосып даже скорее, чем проходило вполне понятное раздражение, вызванное резким звонком будильника, вырывавшим меня из глубин сна. Иногда мы и вовсе болтали до самого утра, лежа лицом друг к другу и подперев голову рукой. Сейчас, вспоминая наши долгие беседы, я затруднился бы сказать, о чем именно мы говорили. Порой ты просто рассказывала о всяких пустяках, передразнивая какого-нибудь особо занудного пациента или своего домовладельца, который попытался было получить от Эди арендную плату, но иногда наши «разговоры на подушке» оказывались неожиданно серьезными. Ты спрашивала, верю ли я в Бога, за кого я голосовал на последних выборах и почему. Нет, не думаю, что ты считала последний вопрос действительно важным, просто тебе казалось, что знание подобных вещей может оказаться полезным для нас обоих.

Вкратце сказать, мы говорили буквально обо всем, и только о необходимости предохраняться речь зашла только однажды – в наш самый первый раз или, точнее, перед ним. Тогда ты сказала, что, будучи медицинским работником, держишь этот вопрос под контролем и что я не должен беспокоиться по этому поводу. Я и не беспокоился – больше я о предохранении ни разу даже не заикался. Зачем?.. Я не видел в этом никакого смысла, к тому же ты начинала подозрительно быстро задремывать, стоило мне задать даже самый невинный вопрос, касавшийся лично тебя. Зато каждый раз, когда я замечал, что твои ресницы начинают опускаться, я крепче прижимался к тебе и принимался водить кончиком пальца по почти прозрачной коже у тебя на шее, рисуя на ней невидимые маленькие сердечки.

С тобой мне никогда не было скучно, Мэгги. Никогда, ни одной минутки! И я хотел, чтобы это длилось и длилось всегда, до конца моей жизни. Кроме того, мне очень нравился тот новый человек, каким я становился с тобой. Я импровизировал, я был убедителен и красноречив; да, черт меня возьми, я даже мог удачно шутить!

Помню, однажды мы решили махнуть в Котсволдз. Специально для этой поездки я взял напрокат машину у одного приятеля из лаборатории физиологии. Стояла прекрасная теплая погода – прелюдия настоящей весны, мы были в одних футболках и с удовольствием ощущали на наших лицах ласковые прикосновения солнечных лучей. В Котсволдзе мы решили отправиться на пешую прогулку по маршруту, о котором в туристской карте говорилось, что он «кольцевой». Должен сказать – мне всегда казалось, что настоящие кольца должны быть

несколько другими, но, возможно, мы просто пару раз повернули не туда. Как бы там ни было, спустя почти шесть часов мы все-таки вернулись к пабу, рядом с которым я оставил машину. Поход по жаре основательно нас вымотал, и мы все еще утоляли жажду, когда официантка предупредила нас, что через полчаса паб закроется на ночь.

В машине ты почти сразу уснула, расплющив покрасневшую от солнца щеку о прохладное стекло пассажирской дверцы. Я знал, что ты спишь достаточно чутко, но в тот раз мне показалось, что твой сон по-настоящему глубок – глубок настолько, что мне не захотелось будить тебя, даже когда мы отъехали от деревни миль на десять, и я почувствовал, что где-то в недрах машины назревают проблемы. Руль, который я держал обеими руками, начал как-то странно вибрировать, и эти вибрации становились все сильнее, пока не начали отдавать мне в локти. Делать было нечего, я свернул к ближайшей заправке.

– Что случилось, Фрэнк? – спросила ты. Одну руку ты опустила мне на колено, другой терла глаза.

– Кажется, нужно заменить покрышку.

– А-а… Вызовешь механика?

Ночь выдалась темная, но площадка заправочной станции была хорошо освещена, так что я смог разглядеть не только телефонную будку на дальнем ее конце, но и висящую на дверце самодельную табличку с надписью «Не работает».

– Нет, – ответил я, удивляясь собственной решительности. – Я знаю, что делать. Ты пока посиди там, что ли… – я показал в сторону крошечного магазинчика при заправке.

Но не тут-то было. Ты была не из тех, кто следует указаниям и инструкциям, и осталась со мной. Тебе, должно быть, было очень холодно в тонкой футболке в мелкий горошек, но ты никак этого не показывала, терпеливо держа болты или гаечный ключ, выравнивая запаску и укладывая домкрат обратно в багажник.

– Ну вот! Порядок! – Я затянул последний болт и поднялся во весь рост. Ты стояла совсем близко, да еще и наклонилась, но я этого не заметил и с размаху

заехал тебе головой в лицо.

– Прости меня, Мегс! Прости!..

Прижимая ладонь к разбитому носу, ты отмахнулась от моих извинений.

– Ерунда. – Внезапно ты расхохоталась и снова махнула рукой – теперь уже в сторону моего носа.

– У тебя кровь идет!

Помнишь, Мегс, что было дальше? Я – смутно. С нами обоими случилось что-то вроде истерики. Мы смеялись и смеялись, и никак не могли остановиться. Не знаю, как ты, а я так не смеялся, наверное, с самого детства.

В перерыве между приступами хохота мне удалось усадить тебя обратно в машину. Именно тогда, когда мы оба оказались в салоне, нам стала очевидна абсурдность происходящего, и мы снова покатились со смеху – такого сильного и безудержного, что, кажется, даже автомобиль закачался на своих рессорах.

– Знаешь, Фрэнк, раньше мне казалось, что тебя вряд ли можно отнести к… к людям, владеющим практическими навыками, – сказала ты, немного успокоившись. Нос ты по-прежнему прижимала рукой, поэтому твой голос звучал немного гнусаво, как у мультипликационных злодеев.

– Мой отец – автомеханик, Мегс. Возможно, кое-какие навыки передались мне от него, – отозвался я, разглядывая наши перепачканные в грязи и смазке руки. – И перемазались мы как настоящие ремонтники, – добавил я.

Тем временем ты отыскала в «бардачке» завалявшуюся там бумажную салфетку и аккуратно разорвала на четыре части. Каждый клочок ты свернула в виде крошечного тампона, и я постарался не думать, сколько недель или, может быть, месяцев она пролежала там вместе с гайками, шайбами, обрывками проволоки и мелким инструментом.

– Автомеханик?.. – задумчиво повторила ты, словно сомневаясь в правдивости моих слов. Аккуратно заткнув мне нос бумажными тампонами, ты проделала то

же самое с собой, потом повернулась и слегка постучала мне по макушке согнутым пальцем. – Хотела бы я знать, какие еще таланты здесь скрываются…

– Самые разные. Подожди – увидишь.

– Я всегда знала, что ты неисчерпаемый источник сюрпризов.

– Я люблю тебя, Мэгги…

Эти слова сами сорвались с моих губ. И хорошо, что сами, потому что будь у меня хоть малейшая возможность их обдумать, я бы их не произнес. Из страха. Из суеверного чувства. Это был мой главный секрет, который я хранил в себе вот уже несколько недель.

Наверное, мое чувство никогда не было таким всеохватным и полным, как в те минуты, когда ты улыбалась мне с пассажирского сиденья. Твоя улыбка была прекраснее всего, что я когда-либо видел, даже несмотря на смешно торчащие из носа клочки бумаги.

– Я тоже люблю тебя, Фрэнк. – Твой голос был таким ровным и прозаичным, словно ты читала вслух указания из путеводителя. И никакой торжественной церемонии, какие показывают в фильмах, тоже не было. Не было ни цветов, ни музыки, ничего такого. Были только мы с тобой и слова, которые мы произнесли.

– Ну что, поехали? – ты постучала по рулю и включила радио. Похоже, спать тебе больше не хотелось.

Весь обратный путь ты развлекала меня популярными эстрадными хитами, звучавшими в твоем исполнении весьма своеобразно, поскольку ни одной верхней ноты тебе взять не удалось. Когда была такой – возбужденной, оживленной, настолько полно отдающейся настоящему, что казалось, будто тебе и дух перевести некогда – ты напоминала мне фонарь на верхушке маяка. Его сверкающий луч, освещавший все, к чему ты прикасалась, был направлен теперь прямо на меня, и мне было очень трудно не ослепнуть от твоего яркого света. Просто чудо, что я не пропустил место, где нам надо было сворачивать с шоссе.

Не будет преувеличением сказать, что я был очарован, околдован тобой. Я буквально потерял голову, поэтому мне потребовался месяц или два, чтобы заметить: что-то происходит. Мы по-прежнему встречались так часто, как только могли, и в большинстве случаев ты вела себя как обычно: шутила, веселилась, пенилась как шампанское, которое течет через край тонкого хрустального бокала, но это было еще не все. Сквозь твое оживление нет-нет да и прорывались какие-то темные тени – словно легкое облачко вдруг закрывало солнце. Впервые я заметил это в тот день, когда мы катались на лодке, да и впоследствии в наших разговорах мне чудился легкий отзвук какой-то непонятной озабоченности или печали. Ты, прямо сказать, никогда не отличалась непосредственностью и прямотой, и я был словно загипнотизирован загадочными противоречиями твоего характера, которые, еле уловимо накладываясь друг на друга, образовывали загадочное целое, вглубь которого мне никак не удавалось заглянуть. Это было все равно, что разглядывать рисунок акварелью, который издалека выглядит совершенным, но вблизи распадается на размытые, перетекающие друг в друга цветовые пятна, на тысячи полутонов и оттенков, даже вообразить которые я прежде не мог. Я любил тебя до самозабвения, Мегс, но этого было мало. Мне хотелось научиться тебя понимать.

Теперь я думаю, ты поймешь, почему я так внимательно наблюдал за тобой в те минуты, когда ты вдруг замолкала, и, взяв меня за руку, подолгу лежала, не шевелясь, пока Эди и Джулс трепались на кухне о каких-то пустяках. Признаюсь, мне очень хотелось проникнуть за тяжелые занавеси пыльной тишины, за которыми ты пряталась от меня, и я пытался сделать это, ловя твой пульс или легкую дрожь мышц и сухожилий. В чем тут дело? В тебе или в чем-то еще?

Как-то раз я проснулся среди ночи и обнаружил, что тебя нет рядом. По пути в туалет я услышал голоса, доносящиеся из гостиной внизу. Один из них принадлежал Эди, другой, тихий, как шепот, – тебе. Я не собирался подслушивать, но я беспокоился. Я боялся за тебя, Мегс.

И я на цыпочках спустился по лестнице – спустился ровно настолько, чтобы увидеть, как ты прижалась к подруге. Твои плечи тряслись.

О, как бы мне хотелось, чтобы ты доверилась мне, Мегс, но, как ты сама хорошо знаешь, невозможно заставить человека говорить откровенно, если он этого не хочет. Единственное, что мне оставалось, это покрепче обнять тебя, когда ты вернулась в постель. Обычно ты крепко прижималась ко мне, а голову клала на

свое любимое место у меня под ключицей, но в ту ночь ты повернулась ко мне спиной, подложив под щеку обе ладони. Казалось, ты почти не сознаешь, что я тоже здесь, с тобой рядом.

Даже сейчас я помню ледяной холод твоих ступней, которыми ты изредка касалась моих ног.

Спустя пару дней, когда мы вместе возвращались из клиники, я попытался разговорить тебя. Велосипеды, то и дело подскакивавшие на неровной мостовой, мы вели между нами, удерживая руками за руль, но я все равно сказал, что мне нужно сменить камеру, а ты была слишком расстроена, чтобы спросить, когда же я успел ее проколоть. Возясь с покрышкой, я впервые понял, что в наших разговорах ведущая роль неизменно принадлежала тебе: обычно ты тараторила без умолку, замолкая только затем, чтобы глотнуть воздуха, после чего переходила к очередной забавной теме или происшествию. Но сегодня ты больше молчала, и это молчание становилось невыносимым.

– Как прошел твой день, Мэгги?

– Нормально. Ифа заболела, так что работы было побольше, а так – как всегда.

Твой ответ поразил меня несвойственным тебе лаконизмом, и мне захотелось бросить чертов велосипед, схватить тебя в объятия и целовать, целовать, целовать до тех пор, пока я снова не услышу твою милую скороговорку, повествующую о сегодняшних забавных происшествиях с врачами или пациентами.

– Послушай, Мегс, я не хочу лезть не в свое дело, но мне кажется – с тобой что-то происходит. У тебя неприятности?

Она не ответила.

– В последнее время ты как будто постоянно о чем-то думаешь. Что случилось? Может быть… может, ты на меня обиделась? – добавляю я шепотом.

Тишина.

– Если я тебя чем-то обидел, ты только скажи!.. Я сделаю все, что захочешь, лишь бы ты снова стала веселой и счастливой, – пробормотал я, чувствуя, как страх сковывает холодом мои внутренности. Если я потеряю то, что мне дороже всего…

– Дело не в тебе, Фрэнк… – Подняв голову, ты взглянула на меня, и я увидел слезы в твоих глазах. Эти зеленовато-серые озера, в которых было так сладостно тонуть, теперь потемнели как море перед бурей, а я… я не мог даже вытереть тебе слезы, потому что боялся тебя оттолкнуть.

– Я не хочу, чтобы ты меня возненавидел.

– Ты же знаешь, Мегс, этого никогда не будет. Что бы ни случилось, вместе мы сможем справиться с чем угодно. – Я наконец решился отложить велосипедное колесо и коснуться твоей руки в надежде, что этот простой жест тебя успокоит. Мой мозг тем временем лихорадочно работал. В чем все-таки дело? Может, ты мне изменила? Или я тебе надоел, и ты хочешь прекратить наши отношения?

– Я… я беременна, Фрэнк. У нас будет ребенок…

Признаюсь честно: я ожидал чего угодно, но только не этого.

– …И я не могу от него избавиться. Просто не могу! – с этими словами ты уронила или, точнее, оттолкнула свой велосипед, так что он упал на мой, запутавшись рулем в спицах заднего колеса. Почти минуту мы стояли и смотрели друг на друга поверх груды крашеного железа. На твоих щеках блестели дорожки слез, и я подумал, что еще никогда ты не выглядела такой красивой – или такой испуганной.

Потом – очень медленно, словно ты была норовистой лошадью, готовой каждую минуту прянуть в сторону, – я обогнул велосипеды и, обняв тебя за плечи, крепко прижал к себе.

– Все будет хорошо, Мегс. У нас все будет хорошо.

Я понятия не имел, насколько верным окажется мое пророчество. Мне, однако, было совершенно очевидно, что именно это ты хочешь от меня услышать, а я

готов был говорить все что угодно, лишь бы хоть немного уменьшить твой страх.

Не могу сказать, как долго мы стояли посреди дороги. В конце концов я поднял наши велосипеды и повел тебя домой. Вечером, когда ты надевала пижаму, я встал перед тобой на одно колено.

– Пожалуй, нам стоит оформить наши отношения официально. Ты выйдешь за меня, Мэгги?..

Мои слова застали тебя врасплох. На мгновение ты замерла, успев лишь наполовину влезть в рукав своей пижамной курточки. И все же ты кивнула, прежде чем из твоих глаз снова брызнули слезы. Нужно было срочно что-то предпринять, и я принялся лихорадочно рыться в карманах. Конечно, никакого кольца там быть не могло, поскольку мое решение было в значительной степени спонтанным. Наконец мне под руку попался старый чек из универмага, и я скатал его трубочкой, кое-как связав концы неуклюжим узлом. Тем не менее своего я добился. Ты улыбнулась сквозь слезы, потом засмеялась – сначала осторожно, неуверенно, словно проверяя, вернулась ли к тебе эта способность. Потом ты рассмеялась громче, продолжительнее, и я понял, что тучи рассеиваются. Изготовленный мною неуклюжий бумажный уродец ты надела на палец, который сразу стал казаться меньше, к тому же его узел частенько царапал мне кожу, когда во сне ты клала руку мне на грудь, но свою службу кольцо сослужило. Проблема или часть ее была пусть временно, но решена.

В тот вечер ты впервые заснула раньше меня. Я же не сомкнул глаз до самого рассвета. У меня было полных восемь часов, чтобы подумать как следует, какой станет теперь наша жизнь. Я то впадал в состояние, близкое к панике, то испытывал небывалое счастье. Провести с тобой всю жизнь? Стать счастливой, крепкой семьей? Для меня это было пределом самых смелых надежд и мечтаний. Никогда я не задумывался о том, каково это – быть отцом. Что это означает?.. Но каждый раз, когда я вспоминал своих родителей, их размеренное, скучное существование, их сдержанность и способность избегать разговоров на любые неловкие темы, я думал о том, что должен стать лучше, чем они. Ради тебя, Мегс. Ради нашего ребенка. За крошечный комок клеток, который будет похож на тебя, будет иметь твой характер, я готов был отдать полжизни. Все хорошо, Мегс, думал я. Все будет очень хорошо.

Так хорошо, как нам с тобой и не снилось.

6

Дейзи я не видел до следующего утра, когда она пришла в палату, чтобы в очередной раз снять показания приборов. В первые несколько секунд я видел ее не слишком ясно – мои глаза уже привыкли смотреть на небольшое расстояние, к тому же они опухли и болели, да и стекла моих очков за прошедшие дни покрылись пылью и сальными пятнами. Так всегда бывает, когда то и дело снимаешь очки, чтобы потереть глаза кулаком.

Не говоря ни слова, Дейзи положила на тумбочку рядом с койкой пачку бумажных салфеток и поправила на Мэгги простыню.

– А вам известно, что миссис Мэгги чувствует, когда вы рядом?

– Сомневаюсь в этом, – сказал я и тут же возненавидел себя за скепсис и цинизм.

– Она чувствует, можете мне поверить.

– Хорошо если так. – Я попытался улыбнуться, но получилось не слишком искренне.

– Я вижу это по показаниям приборов. Сначала были одни показания, а когда под утро вы заснули – другие. Снизились частота сердцебиений и кислородный обмен. Нет, Фрэнк, она очень хочет вернуться, но пока не может. И… ей очень приятно слушать все, что? вы ей говорите.

– Да, я разговариваю с ней сколько могу, но… мне это нелегко дается. – Я сглотнул. Самое трудное было еще впереди, и я не представлял, хватит ли мне сил сказать то, что я хотел. Что должен был сказать. Так было всегда – каждый раз, когда я разговаривал с Мэгги, мне хотелось только одного: радовать или смешить ее, по возможности избегая неприятных тем.

– Я понимаю. Не вы первый, не вы последний.

– Послушайте, как вы вообще выдерживаете?..

– Вы имеете в виду мою работу?

Я кивнул.

– Что толку обманывать, иногда бывает действительно нелегко, но…

Я успеваю перехватить ее взгляд, прежде чем она успела отвернуться. Дейзи выглядит усталой и вымотанной: выбившиеся из-под резинки волосы курчавятся на висках, на халате, который я привык видеть накрахмаленным и отглаженным, появились резкие складки.

– Когда имеешь дело с больными, нередко видишь вещи неприятные и просто страшные. Этого не избежать, но бывают дни по-настоящему счастливые. Например, когда кто-нибудь выздоравливает… или выходит из комы. Такие вещи нужно помнить, чтобы не сойти с ума. Иначе здесь долго не продержишься.

Я не решился спросить, окажется ли Мэгги среди тех, кому повезло. Буду ли я среди тех счастливцев, кто отвезет своего близкого человека домой и будет до конца жизни думать, что ему приснился очень-очень страшный сон.

– Спасибо, Дейзи. – Мой голос звучит очень тихо, но Дейзи все равно остановилась как вкопанная, не дойдя до двери нескольких шагов.

– Спасибо за все, – продолжаю я. – И… вы были правы насчет того, что я должен разговаривать с Мэгги. Не знаю, слышит ли она меня, но надеюсь, что слышит. Я… я действительно должен сказать ей очень многое.

– Многие люди чувствуют то же что и вы, Фрэнк. Вам повезло – у вас еще есть время…

Время?.. Хотел бы я знать – сколько. А ведь я еще даже не приблизился к главному. Я еще не объяснил Мэгги, что мое молчание не имеет к ней никакого отношения. Я никогда не поступил бы с ней так жестоко. Дело было во мне, в моих промахах, в моих ошибках. В том, что я ее подвел. Предал. А еще в том, что я был уверен: Мэгги никогда не простит мне моего предательства.

– С вами все в порядке, Фрэнк?.. – Дейзи выдернула гигиенический пакет из пачки, которая лежала на нижней полке ее столика на колесах, и протянула мне. – Вот, возьмите… – Она сунула пакет мне в руки и успокаивающим жестом опустила ладонь мне на плечо. – Все кончится хорошо, Фрэнк. И для вас, и для миссис Мэгги. Только не отчаивайтесь.

Грубый, шероховатый гигиенический пакет, который я сжимаю в руках, пахнет сырой древесиной. От этого запаха моя тошнота только усиливается, но я сдерживаюсь из последних сил.

– У вас все получится, Фрэнк. Если другие могут, значит, получится и у вас. Миссис Мэгги вернется, обязательно вернется, и тогда вы отвезете ее домой и будете о ней заботиться. Не отчаивайтесь. Все будет хорошо, я уверена.

Все будет хорошо…

Когда-то я тоже так думал.

Когда я узнал о твоей беременности, ты была уже на третьем месяце. Мне ты сказала, что однажды перед нашим свиданием ты съела что-то не то, и тебя стошнило. Почему-то ты не сочла происшедшее достаточно серьезным и не задумалась о том, что принятая тобою противозачаточная таблетка может не подействовать. Хотел бы я знать, чему тебя учили на медицинских курсах, подумал я тогда, но промолчал.

Нашим родным мы решили сообщить только о помолвке, а о ребенке ничего говорить не стали. Сначала нам хотелось найти подходящее жилье и узнать, сколько времени придется ждать официальной регистрации в бюро записей актов гражданского состояния. Были и еще дела организационного, так сказать, плана, но главным, конечно, была квартира. Поисками и подбором вариантов пришлось заниматься мне. Я был уверен, что это займет порядочно времени, но ошибся. Тебе понравилась первая же квартира, которую мы поехали смотреть – как ты сказала, здесь нам будет просторно, да и солнце светит в окна гостиной как-то по-особому. Когда же сопровождавший нас агент по недвижимости ненадолго вышел якобы затем, чтобы проверить паркомат, ты повернулась ко мне и, раскинув руки, объявила квартиру нашим домом. Я, однако, едва не подавился, когда увидел в договоре об аренде сумму депозита. Первой моей

мыслью было отказаться от столь безумно дорогой квартиры, но тут мой взгляд упал на тебя. Ты стояла у окна – того самого, в которое так чу?дно падал свет – и медленно вела пальцами по подоконнику. Этого оказалось достаточно, чтобы мои сомнения тут же растаяли, и я поставил под договором свою подпись. Через месяц мы могли въезжать.

Откровенно говоря, я был только рад выбраться, наконец, из своей убогой съемной комнатушки и начать новую жизнь. Жизнь с тобой, Мэгги. Никогда не забуду, как в преддверии переезда мы устроили набег на благотворительные лавки Оксфорда. Нашей целью была самая симпатичная и самая дешевая мебель, какую только можно было в них отыскать. В конце концов мы купили старенький диван, у которого отсутствовала одна из подушек (ты обещала, что сама сошьешь новую), и древний кухонный стол, сработанный, должно быть, еще на заре Промышленной революции, который ты поклялась собственноручно покрыть свежим лаком. Ни диван, ни стол так и не дождались обещанного ремонта, но… Сейчас я могу признаться, что они нравились мне и такими, какими они попали к нам.

Наш первый вечер в новой квартире был великолепен. Сидя на мягких «бобовых пуфах», мы ели пиццу, запивая ее прямо из банок тем отвратительным оранжадом, к которому ты пристрастилась в последние пару недель. В углу стоял единственный из нашего багажа предмет, который мы успели распаковать: небольшой ветвистый кактус, сплошь усыпанный мелкими красными цветочками, который я купил тебе во время одного из первых наших свиданий в Ботаническом саду. «Маленький и колючий, совсем как я», – сказала ты тогда.

За день мы, однако, так набегались, таская коробки с вещами, что ты заснула прямо с недоеденным куском пиццы в руке. Убрав остатки обратно в коробку, я расчистил место в углу и сдвинул наши пуфы так, чтобы на них можно было спать. Этой ночью мы укрывались колючим шерстяным одеялом, на который еще только предстояло надеть пододеяльник.

Да, Мегс, я готов вспоминать эту ночь без конца. Первую ночь нашей с тобой семейной жизни.

На следующий день ты проснулась очень рано и, пока я зевал и тер глаза, принялась распаковывать вещи, превращая квартиру в дом. Видя, что это занятие тебе по душе, я решил не мешать, но… Знаешь ли ты, что я до сих пор

жалею, что я тогда тебе не помог? Бог свидетель, ты всегда была лучшей в мире хозяйкой, тогда как от меня в домашних делах проку было немного, и все же я обязан был подумать, не повредят ли тебе, учитывая твое состояние, многочисленные хлопоты, связанные с переездом. Увы, тогда это просто не пришло мне в голову.

Вооружившись отверткой, я подтянул пару разболтавшихся дверных ручек и смазал пару скрипучих петель. На этом моя работа закончилась, однако довольно скоро я заметил, что мое безделье действует тебе на нервы. В животе у меня уже давно бурчало, поэтому я вызвался сходить в магазин, чтобы прикупить кое-каких продуктов. Времени это заняло немного, но, как впоследствии выяснилось, отсутствовал я все же слишком долго. Непозволительно долго. И посейчас я нередко спрашиваю себя, когда я почувствовал, что что-то случилось? Когда ты не открыла на мой звонок? Или когда увидел, что тебя нет в гостиной? Как бы там ни было, обрушившаяся на меня тишина подтвердила: что-то не так.

– Мегс! Я до?ма! Я купил все, что нужно для чая и то?стов. Может, поедим прямо сейчас? Да где ты, Мегс?! Куда ты подевалась?.. – Я переходил из комнаты в комнату, но тебя нигде не было. Наконец я обратил внимание, что дверь ванной комнаты заперта. Я постучал, но ты не отзывалась.

– Эй, Мегс, ты там? С тобой все в порядке?

Тишина в ответ.

Я никогда не умел выламывать двери и не собирался этому учиться, хотя и испугался не на шутку. К счастью, спустя несколько мучительных секунд я услышал, как заскрежетал отодвигаемый шпингалет. Медленно, осторожно я приоткрыл дверь.

Ты сидела на унитазе, трусики спущены до лодыжек, голова опущена, пальцы судорожно вцепились в волосы. Когда отворилась дверь, ты даже не подняла головы. Проследив за твоим взглядом, я увидел алую лужу, растекавшуюся по светлой плитке пола.

Ты не произнесла ни слова, не издала ни звука. Ни тогда, ни в течение трех последующих дней. Но твое молчание оглушало сильнее, чем самый

пронзительный крик, чем самое громкое рыдание.

Я открыл краны, чтобы наполнить ванну. Пока текла вода, я сорвал с тебя одежду и швырнул на пол, чтобы она впитала в себя кровавую лужу – страшное напоминание о том, что? мы потеряли. Ты не реагировала. Казалось, ты вообще не понимаешь, что происходит. Я подхватил твое неподвижное тело на руки и как можно осторожнее перенес в ванну, невольно подумав о том, что по жестокой прихоти судьбы моим ребенком стала ты.

Ванну я наполнил меньше, чем на четверть, боясь, что ты не сможешь – или не захочешь – держать голову над водой и утонешь, стоит мне хоть на секунду отвлечься или просто моргнуть. На твоей коже чуть ниже груди желтело небольшое пятнышко – след от томатного соуса, которым ты капнула на себя вчера вечером. Я долго оттирал его подушечкой большого пальца, но и на это ты никак не отреагировала, и я растерялся. Что делать? Вызывать врача? Могу ли я сделать это без твоего согласия? Единственное, что меня немного ободряло, это то, что ты сама была медсестрой. Наверняка ты не раз сталкивалась с подобными случаями и знала, что нужно делать.

Стоя возле ванны на коленях, я сложил ладони ковшиком и лил на твое тело чистую теплую воду, которая сразу же становилась красной. Распаковать полотенца ты не успела, поэтому, когда я заметил, что вода начинает остывать, я вынул тебя из ванны и завернул в простыню. Закутанная в белый хлопок, ты была немного похожа на девочку, которой вздумалось поиграть в невесту, и только твое лицо было слишком по-взрослому искажено горем.

Наконец я перенес тебя в комнату, уложил на диван и задернул занавески. Повернувшись ко мне спиной, ты лежала в позе эмбриона и не шевелилась. Убедившись, что ты не собираешься вставать, я на цыпочках выбрался в прихожую и стал искать твою сумочку. Я по-прежнему не знал как быть, но мне пришло в голову позвонить Эди. Как я и надеялся, ее номер отыскался в твоей записной книжке. С соседями снизу мы еще не были знакомы, но мне срочно нужен был телефон, а моя неловкость, которую я испытывал, общаясь с посторонними людьми, бледнела по сравнению с необходимостью позвать кого-нибудь к тебе на помощь.

Слава богу, соседи были дома. Должно быть, мои чувства были ясно написаны на моем лице, поскольку открывший мне дверь хмурый подросток без лишних расспросов впустил меня в прихожую. Эди долго не брала трубку, и я

почувствовал, как в груди у меня похолодело от страха. Никакого запасного варианта у меня не было.

Наконец в трубке раздался ее голос.

– Алло?..

– Эди, это я, Фрэнк. Ты можешь приехать? Это срочно!

– Что случилось, Фрэнк?

– Мэгги… у нее… Это насчет ребенка.

Я не знал как объяснить, что произошло, но Эди меня прекрасно поняла.

– Иди к ней, Фрэнк. Я сейчас буду. Оставь входную дверь открытой.

Когда Эди приехала, я сидел на краю дивана и осторожно гладил тебя по голове. В твоих волосах засохла кровь, и они стали темными и жесткими. Не тратя времени даром, Эди улеглась рядом с тобой, прижала к себе, а я… я почувствовал себя лишним. Пробормотав, что хочу прибраться в ванной, я вышел. До сих пор не знаю, должен ли был я сделать то же, что сделала Эди? Неужели и здесь я тебя подвел? Если так, прости меня, Мегс. Мне очень жаль, что я оказался таким тупым.

Я сидел на краю ванны, нехотя отскребая красно-коричневые следы на бортиках, когда в дверь заглянула Эди.

– Мэгги нужно отвезти в родильное отделение. Как раз сегодня там дежурит одна моя подруга, так что ее примут вне очереди. Сейчас Мэгги оденется, и я отвезу вас обоих в больницу.

Она сказала «вас обоих», но я по-прежнему не представляю, почему Эди решила захватить и меня – из вежливости или из жалости. Последнее, пожалуй, будет вернее. В конце концов то, что случилось, было и моим несчастьем.

Я хорошо понимаю, какой му?кой для тебя было оказаться там, куда ты должна была попасть только через несколько месяцев. Я понимаю, что? ты испытывала, когда смотрела на молодых матерей, которых везли в колесных креслах к машинам, и какие чувства будили в тебе их ввалившиеся от усталости, но лучащиеся счастьем глаза. К счастью, твои силы тоже были не безграничны, так что в конце концов ты опустила голову и уставилась на свои туфли, но я все равно видел, что каждый раз, когда до тебя доносился крик очередного новорожденного младенца, ты морщишься как от удара.

На осмотр ты отправилась одна. Мы с Эди ждали в коридоре, а между нами стояло пустое пластиковое кресло, где только что сидела ты.

– Ты ее не бросишь, Фрэнк? – внезапно спросила Эди.

– Разумеется, нет.

– Но ваша свадьба…

– Я по-прежнему хочу на ней жениться.

– Я имела в виду, что… Сейчас, наверное, для этого не самое подходящее время. Когда вы должны были зарегистрироваться? Дней через десять, насколько я помню?..

Я кивнул.

– Я готов ждать сколько потребуется.

Эди вздохнула.

– Хороший ты человек, Фрэнк. И Мегс это знает.

Мне очень хотелось, чтобы это было правдой. Я не мог потерять еще и тебя.

Когда ты вышла из кабинета, на мгновение мне показалось, что ты как-то съежилась и стала меньше ростом. Твоя куртка была надета как попало, задорные ямочки на щеках стали глубже и напоминали провалы. Выглянувшая в

коридор женщина-врач окинула нас взглядом и жестом пригласила в кабинет Эди, но я не чувствовал себя оскорбленным. Мне хотелось только одного – быть с тобой, и я, обняв за плечи, медленно повел тебя обратно к машине.

Я заметил, что ты плачешь, только когда мы выходили на стоянку. Там ты неожиданно вывернулась из моих рук и согнулась чуть ли не пополам. Плечи твои тряслись.

Нас снова было двое. По-прежнему двое.

Я ничего тебе не сказал ни тогда, ни в последующие дни. Не потому, что не хотел. Просто я очень боялся сделать ситуацию еще хуже. Я всегда этого боялся, боялся что-нибудь испортить. Это очень сильный страх, Мегс. Он парализует не только твое тело, но и твои мысли, и ты не можешь ничего сказать или сделать. Не можешь принять решение. Как бы я повел себя, если бы можно было вернуться в те дни? Думаю, как-нибудь иначе, но тогда… Я очень многое хотел сказать тебе, Мэгги – должен был сказать. «В этом нет твоей вины, Мэгги», – вот с чего мне следовало начать.

7

Худшее начало совместной жизни трудно было и представить. По правде говоря, одно время я даже боялся, что на этом она и закончится. После того как мы вернулись в нашу квартиру, ты два дня не вставала с постели и не произносила ни слова. Я приносил тебе горячий чай и спустя час выливал его, нетронутый и уже остывший, в кухонную раковину. Ты даже ни разу не притворилась, будто отщипнула кусочек поджаренного хлеба, который я почти научился готовить. Разрываясь между свирепым желанием быть рядом с тобой и не менее сильным желанием дать тебе возможность побыть одной, я пытался быть хоть чем-то полезным. Я распаковывал оставшиеся вещи и ставил тарелки, сковородки, кастрюли и чашки в кухонные шкафчики и на полки буфета, пытаясь придать нашей квартире более обжитой, уютный вид, но еще важнее для меня было хоть чем-то заполнить пустоту, которая терзала нас обоих.

На третий день, когда я сидел на кухне и проверял студенческие работы, ты неожиданно появилась на пороге. На тебе был махровый халат, волосы торчали

в разные стороны, на щеке краснели рубцы от подушки. Да будет тебе известно, Мегс, что еще никогда ты не казалась мне столь прекрасной. Мэгги, моя дорогая Мэгги, любовь всей моей жизни вернулась ко мне!

Я во всяком случае на это надеялся.

– Привет. – Оттолкнувшись от косяка, ты сделала пару шагов, опустилась на стул и, вытянув ко мне руку, коснулась моего плеча. Бумажное кольцо, которое я для тебя сделал, куда-то исчезло.

– Привет, милая. Как ты себя чувствуешь?

Ты кивнула. Я понятия не имел, что это может означать, но все равно продолжил:

– Я все еще хочу жениться на тебе, Мегс, но если ты не… В общем, я пойму.

– Рада это слышать, – перебила ты, – потому что мне бы не хотелось потерять еще и тебя… – Твои глаза наполнились слезами, и я, испугавшись, что ты вернешься в постель и опять окажешься вне пределов досягаемости, торопливо и неловко наклонился, чтобы вытереть эти слезы и, быть может, вызвать улыбку на твоем лице.

– В таком случае тебе понадобится кольцо, – сказал я. – По правде говоря, давно надо было его купить… Давай сходим в ювелирный после обеда?

– Разве тебе не нужно работать? – спросила ты, сосредоточенно прикусив губу, и я догадался, что ты потеряла счет дням.

– Работа подождет… Кроме того, мне все равно нужно немного развеяться, – взволнованно пробормотал я и, переведя дух, выпалил: – Самое главное для меня – ты, Мегс!

Я сказал это от всего сердца, и Мэгги, кажется, это поняла.

Спустя какое-то время мы разговариваем уже почти как прежде. Я предлагаю отменить гостей и зарегистрировать наш брак, так сказать, приватно – только

ты и я, но ты против. Ты говоришь, что раз мы решили вернуться к нормальной жизни, значит надо держаться первоначального плана, пусть это даже будет означать хорошую мину при плохой игре. Необходимость все подготовить, позаботиться о мелочах, сразу отвлекает тебя от серьезных вещей – так, по крайней мере, мне кажется, и я сразу соглашаюсь и говорю, что ты права. И когда неделю спустя настает, наконец, наш долгожданный счастливый день, уже почти ничто не указывает на катастрофическое начало.

Наша свадьба действительно была счастливым, радостным событием, не так ли, Мегс? Погода, правда, была довольно прохладной, зато ясной и безоблачной. Солнечные лучи ярко блестели на крышах готических башен и шпилей, отчего гости на наших свадебных фотографиях щурятся или прикрывают глаза рукой. Решение никому не сообщать о твоей беременности тоже сработало в нашу пользу: для наших родных, моих коллег и твоих подруг ты выглядишь, как настоящая невеста – счастливая, немного смущенная и беззаботная.

Всем нашим друзьям очень понравилось твое решение продефилировать по центральному проходу в одиночестве – это так современно, так в духе времени! Моим родителям, напротив, это кажется грубым нарушением традиций, но им достало здравого смысла промолчать. Что касается тебя, то ты ни разу не сказала, – мол, тебе бы хотелось, чтобы твой отец был жив и мог провести тебя по проходу, как полагается, и у меня немного отлегло от сердца. Во-первых, мне и так хватало забот, а во-вторых, я уже знал, что у вас были весьма непростые отношения, разбираться в которых я предпочитал в спокойной обстановке. Тем не менее я не мог не спросить себя, как сильно тебе не хватает отца именно сейчас, когда ты должна была совершить этот путь к алтарю. Собственно, даже не его самого, а его руки, которая поддерживала бы тебя на этом пути.

Но, повторюсь, я не стал задавать тебе никаких вопросов. Вместо этого я попытался установить хоть какие-то отношения с твоей матерью (в день свадьбы я увидел ее всего лишь во второй раз, так как в последнее время она жила за границей почти постоянно), однако моя уже не будущая теща, приехавшая на свадьбу в сопровождении твоего брата-художника (второй брат не смог приехать, так как, по его словам, он как раз находился в процессе подписания какого-то сверхважного контракта), упорно сохраняла дистанцию и реагировала на мои попытки довольно прохладно. Откровенно сказать, никакого – то есть, вообще никакого – прогресса я не добился, и после примерно получаса банальных вопросов (с моей стороны) и кратких ответов (с ее), я махнул рукой и смешался с группой остальных гостей. Мои и твои друзья раньше почти не

сталкивались, и процесс их знакомства был в самом разгаре. Не могу сказать с уверенностью, но, скорее всего, это был любопытный социальный эксперимент, поскольку новизна предоставляла обеим сторонам значительно большую свободу маневра – равно как и возможность заострять внимание на вопросах, которые в другой обстановке могли бы быть сочтены чересчур личными. Одна лишь Эди почти ни с кем не разговаривала и не отходила от тебя все время, пока длился официальный прием.

Медовый месяц, безусловно, – не рядовое событие, поэтому мы оба, сославшись на желудочный грипп, заранее взяли на работе недельные отпуска по болезни. Сразу же после свадьбы мы отправились на побережье, и должен сказать, что смена обстановки пошла нам обоим на пользу. Мои родители подарили нам «Полароид», поэтому на тех твоих снимках, которые я держу в бумажнике, ты сфотографирована главным образом на фоне Брайтонского пирса [8 - Брайтонский пирс – увеселительный парк на пирсе на курорте Брайтон.]. Больше всего мне нравится снимок, где ты в закатанных джинсах стоишь на мелководье у самого берега – в одной руке у тебя туфли, другая заброшена за голову, болтающийся пояс макинтоша почти касается воды. Когда я сейчас смотрю на этот снимок, он напоминает мне все, за что? я тебя полюбил – твою кипучую энергию, твое неисчерпаемое душевное тепло и безграничную жизнерадостность. А еще он напоминает мне о том, как легко я могу все это потерять.

В нашу первую ночевку в пансионе на побережье ты – впервые после того, как с нами случилась беда, – позволила мне к себе прикоснуться. Сначала я был осторожен и терпелив, боясь нечаянно вторгнуться на территорию, где мое присутствие все еще нежелательно. Ты, однако, поразила меня настойчивой страстностью, с какой ты – или, точнее, твое тело, – требовало от меня быстроты, глубины, силы. И я старался, пока сдвинутые нами односпальные кровати не разъехались, и ты не провалилась в щель между матрасами. Ты расхохоталась, хотя тебе не хватало воздуха, и попыталась выкарабкаться из ловушки, в результате чего я финишировал раньше, чем собирался. В тот же момент кто-то сердито забарабанил в стену за изголовьем нашего ложа, и… знаешь что, Мегс? Мне было наплевать. Пусть бы нас выставили из пансиона голышом, я бы и бровью не повел. Все, чего я хотел и о чем грезил день и ночь, было передо мной на расстоянии вытянутой руки, но еще ближе была твоя улыбка.

Блаженные деньки быстро подошли к концу, мы вернулись в Оксфорд, и наша жизнь потекла как прежде. В течение нескольких месяцев мы, впрочем, старались не заговаривать о том, что с нами случилось – как и о том, не следует ли нам повторить попытку. Сейчас мне нелегко ответить на вопрос, почему я не попытался вызвать тебя на откровенность и проникнуть под маску веселого благополучия, которую ты носила от заката до рассвета. Наверное, дело в том, что я был слишком счастлив. Причина так себе, и все же… Мне очень нравилась наша семейная жизнь, Мегс. Очень.

И сейчас, стоит мне только почувствовать запах свежей краски, как я мысленно возвращаюсь в блаженные деньки после свадьбы. Тебя ни с того ни с сего охватила страсть к переменам, а я стал твоим добровольным помощником. По вечерам и в выходные я облачался в рабочий комбинезон, слишком короткие штанины которого щекотали мои голые лодыжки, и вытягивался перед тобой во фрунт, ожидая указаний. Наш домовладелец был не особенно строг, и ты вовсю этим пользовалась. Мы получали настоящий кайф, раскрашивая комнаты в разные цвета (некоторые – по два или три раза, если колер казался тебе «неподходящим»), выкраивая ковровые дорожки для коридора и прихожей и развешивая по стенам десятки фотографий и картин в рамках. Каждую свободную минуту мы посвящали ремонту, и даже когда тебе случалось ненадолго присесть, я чувствовал – тебе не терпится снова приняться за работу.

На протяжении нескольких недель пятна краски не сходили с наших рук, лиц и волос, как бы тщательно мы ни скребли себя мочалкой, принимая душ перед сном. Иногда по вечерам, когда мы уже лежали в постели, я пытался целовать эти пятна, покрывавшие твою кожу, но их было слишком много, и мне приходилось действовать так быстро, что у меня начинала кружиться голова. Тогда я искал твои губы, чтобы снова обрести опору под ногами. Со временем мне даже стало казаться, будто эти мои действия побуждали тебя измазываться в краске больше, чем необходимо, когда на следующий день мы продолжали работу с того самого места, где остановились накануне.

Каждые выходные мы работали как заведенные без пауз, без остановок. Наш обед представлял собой что-то вроде стоячего фуршета для бедных: кусок батона и ломоть сыра или колбасы, которые мы заглатывали словно утки, пока настаивался чай в чайнике. Когда чистые чашки закончились, ты велела мне доливать чай молоком прямо в чайнике, и мы пили его прямо из носика лишь бы не терять время на такую ерунду, как мытье посуды. Никаких занавесок на окнах у нас, естественно, не было, так что я даже не могу себе представить, что

думали о нас соседи. Впрочем, подобные мелочи довольно быстро перестали меня беспокоить – моя стеснительность вылетела в окно вместе с пара?ми растворителя и запахом краски.

Да, Мегс, ты всегда умела заставить меня забыть об окружающем мире.

Каждый раз, когда ты заканчивала ремонт очередной комнаты, я закрывал дверной проем покрывалом от мебели, чтобы ты могла торжественно его сорвать, демонстрируя восхищенной публике (в моем лице) результаты своего труда. Иногда я напяливал свой анорак и выступал в роли специалиста по недвижимости, расспрашивая тебя о деталях и особенностях внутренней отделки. Сколько слоев краски на стенах этой комнаты?.. А вот эта чудненькая лепнина – она гипсовая или пластиковая? Вдохновлялись ли вы идеями какого-нибудь известного архитектора или дизайнера, или это ваша личная импровизация? Прежде чем мы оба начинали корчиться от смеха, я всегда старался оценить твои усилия, присваивая тебе вся пять мишленовских звезд.

К чему это я?.. Да к тому, Мегс, что мы оба старались оправиться от потери как можно скорее. Не забыть, нет – забыть подобное вряд ли возможно. Вероятно, мы просто пытались жить дальше, строить наши отношения таким образом, чтобы они не зависели больше ни от чего и ни от кого, кроме нас двоих. И у нас это получилось. Никогда прежде я не был так счастлив, как в те дни. Надеюсь, ты тоже испытывала что-то подобное.

Нашему браку исполнилось уже несколько месяцев, когда вернувшись однажды с работы, я застал тебя в слезах.

– Что случилось, Мегс? – спросил я. Ты сидела спиной ко мне за кухонным столом и, уперев локти в столешницу, сжимала голову руками. Когда я вошел, ты не поднялась мне навстречу. Казалось, ты вообще меня не заметила. Что что-то случилось, это было ясно, но я понятия не имел – что.

– Неприятности на работе? – снова спросил я. – Тебя переводят в другой район? – Несколько недель у нас был какой-то разговор на эту тему, но потом вопрос как-то урегулировался сам собой. – Так это даже хорошо! Ты только представь, как это здорово: каждый день ездить на велосипеде через полгорода и обратно! – с этими словами я коснулся твоего плеча. Ты не отстранилась, но моя шутка тебя ничуть не развеселила.

– Да скажи же, что случилось?! – Я обогнул стол и заглянул тебе в лицо, мокрое от слез и покрытое красными пятнами. – Ты же знаешь, мне ты можешь сказать все, абсолютно все! Ну, в чем дело?..

– Я не беременна, – проговорила ты быстрым шепотом. – Не беременна! У меня никак не получается забеременеть снова! Прости меня, Фрэнк…

– Простить? Но за что, Мегс? Это не твоя вина. Кроме того, сколько прошло времени?.. Всего-то пара месяцев…

– Десять.

– Пусть будет десять. – Я почувствовал, как мое сердце сжимается от жалости и тревоги. Десять месяцев… А я и не заметил, как они пролетели. – Все равно немного, – продолжал я наигранно бодрым тоном. – Твой организм должен восстановиться, вернуться, так сказать, в исходное состояние. Мы еще молоды, Мегс, у нас впереди вся жизнь. Мы будем стараться, и в конце концов у нас все получится. Ну а если не получится, что ж… Раз нам не суждено иметь детей, значит – не суждено, и ничего тут не попишешь.

И зачем я только это сказал?! На самом деле я произнес эту фразу не думая, просто чтобы не молчать, и только потом понял, как это было глупо и жестоко с моей стороны. Нам не суждено иметь ребенка… Но кто так решил? Кто обрек тебя на страдания? Явно не всеблагой Господь, это уж точно. Для меня ты была лучшей из женщин, так почему же ты непременно должна наяву столкнуться с худшим из своих кошмаров? Почему?!.. Ладно, допустим ни я, ни ты не были святыми в полном смысле этого слова (я-то уж точно), однако у меня не было никаких сомнений в том, что из тебя могла бы выйти прекрасная мать – мать, которая любит своего ребенка даже чересчур сильно, если, конечно, такое возможно. Кто же тогда определил наш жребий, кто вытащил за тебя короткую соломинку?

Да, я понял, что свалял дурака, но было поздно. Я увидел, как ты вздрогнула, как еще больше поникли твои плечи, и пожалел, что не могу как следует наподдать себе за глупость, черствость и невнимательность. Мое мимоходом брошенное замечание ранило тебя очень глубоко – ведь я знал, как ты ненавидишь неопределенность и как высоко ценишь ясность и стабильность, которых не хватало тебе в детстве. Конечно я мог бы сказать, что сын или дочь не дадут

тебе никакой стабильности и определенности, что их могу обеспечить тебе только я, что я буду заботиться о тебе всегда, как заботился и раньше, но… но мне всегда было легче показать

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кранахан – шотландский десерт из овсяных хлопьев. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

2

«Ближние графства» – ближайшие к Лондону графства, к которым причисляют Кент, Суррей и Эссекс.

3

Джерико – богемный район рядом с центром Оксфорда.

4

Эшмолеанский музей искусства и археологии или Музей Эшмола – старейший в мире общедоступный музей. Одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете.

5

Период Эдо – период в истории Японии, время правления клана Токугава (1603–1868 гг.).

6

Замок в Осаке – пятиэтажный самурайский замок в городе Осака, который играл ключевую роль в японской истории конца XVI – начала XVII вв.

7

Тутинг Коммонз – район в Лондоне.

8

Брайтонский пирс – увеселительный парк на пирсе на курорте Брайтон.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grivz_ebbi/igra-v-molchanku

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить